

Дарья Гущина

The background of the cover is a stylized illustration. At the top, a large, dark crow or raven is shown in profile, facing right. It has a golden-yellow eye and a large, ornate pocket watch hanging from its beak. The watch has a yellow face with intricate patterns and a red border. The crow is set against a swirling, ethereal blue and white background. Below the crow, the landscape is a snowy, mountainous terrain with dark, jagged rock formations. In the distance, a small, dark figure of a person is walking across a snowy path. The sky is a clear, light blue. The title 'ПО КРАЮ ВЕЧНОСТИ' is written in large, golden-yellow, serif capital letters across the middle of the cover. The letters have a subtle texture and are slightly shadowed.

ПО КРАЮ ВЕЧНОСТИ

16+

Дарья Гущина

По краю Вечности

Серия «Мир Вечности», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118473

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда твой путь проклят и отмечен скорой смертью, когда единственный друг и любимый человек ушел в Вечность по твоей вине – когда мир рушится, а жизнь потеряла смысл, – что остается? Чем жить и за что держаться, когда от тебя почти ничего не осталось? Рейсан, искатель и темный маг, рискнула, взявшись за поиски древнего храма, и потеряла все. Кроме последней тайны мира, отнявшей у нее и любимого, и дело всей жизни. Кроме вечной загадки, над которой бились многие поколения темных магов, – почему из мира полностью исчезла магия мрака. И однажды старые загадки потянут Рейсан на проклятый путь... чтобы смириться с неизбежным. Чтобы вспомнить. Чтобы пытаться жить дальше. Чтобы встретиться с легендой – живым источником силы тьмы, как две капли воды похожим на погибшего друга, и с призраками прошлого. Чтобы найти ключи к тайнам мира... и обнаружить точно такую же тайну в самой себе.

Содержание

Пролог: Время уходить	5
Часть 1. Ожидание мира	7
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дарья Гущина

По краю Вечности

...кто ищет – вынужден блуждать.

И. В. Гёте «Фауст»

Пролог: Время уходить

Мир. Изнанка. Вечность.

Три грани.

Мир – жизнь. Люди. Магия. Потоки силы.

Вечность – смерть. Вместилище душ. Источник стихийных сил.

Изнанка – тонкий слой силы между. Пропитанный мраком и стоящий стеной. Не пускающий. Обычно. Лишь раз в людскую эпоху грань на мгновение истончается, когда Вечность переполняют людские смерти. И это наше время. Время Девяти. Приходить по очереди, приносить в мир силу и знания. Но сейчас у стены Изнанки нас Восемь. Не хватает – давно не хватает – лишь одного из нас. Девятого.

– Где может быть Девятый? – бесплотная фигура, сотканная из чистейшего света, задумчиво смотрит сквозь стену Изнанки.

– Найдем. И вернем.

– Выдержит ли человек одного из нас? – поворачивается сияющий лунным светом силуэт.

– Девятый же прячется в людях. Выдержит.

– Трое при смерти, – замечает горящая закатом фигура. – Две рядом, одна – дальше. Берите. Но сохраните душу, не то люди поймут. Узнают одного из нас. И расставляйте запад-

ню. Быстро. Изнанка сжимается.

Сбросить силу, как старый плащ – не время приносить ее людям. Время придет, когда Девятый выполнит свои обязанности и замкнет круг силы, уступив место Первой. И остальным. По очереди. Мы давно ждем *возвращения*. Слишком давно. Пора вернуть всё на круги своя.

И – один шаг.

И – занятый человек?

Уже?

И занятый – клубком тьмы. Мощным. Людей с такой силой тьмы нет давно. Очень давно. Девятый.

Нашелся.

Попался.

Вернешься.

С тебя всё началось – тобою всё и закончится.

Часть 1. Ожидание мира

*Чем дальше бежишь от самого себя –
тем ближе оказываешься к самому себе.*
Н.

Я накинула на голову капюшон и подняла воротник, пряча лицо от редких порывов вьюжного ветра. Смеркалось, и небо стремительно темнело, скрываясь за пеленой снежных облаков. Я посмотрела по сторонам. Снег шел непрерывно, и крупные хлопья укутывали спящий город в воздушное покрывало с головы до пят – от покатых крыш до исхоженных троп старых мостовых.

Сидящий на моем плече угольно-черный ворон, мой вечный спутник, уже напоминал снежную сову и ухал так же недовольно.

– Ничего-ничего, Молчун, – я рассеянно улыбнулась, изучая дорогу, – скоро будем в тепле. Что? На кого я похожа? На снежного призрака?

Да, пожалуй...

Крупные хлопья ложились поверх моего плаща вторым, зимним, забирались в сапоги, дрожали на ресницах, слепили глаза. Да, пожалуй... Пожалуй, надо найти крышу над головой. Хотя бы крышу. К остальному я равнодушна. Когда всю жизнь работаешь искателем, когда твой дом – это

весь мир, на многие мелочи не обращаешь внимания. Важна лишь цель пути... которую я ищу уже несколько сезонов, меняя материки на острова, а города – на пустоши. В поисках не то приключений, не то работы, не то неприятностей, не то... себя.

Оглядевшись, я смахнула с ресниц снег и отправилась по дороге вглубь незнакомого города. Сколько раз со мной случилось подобное – не счесть... Куда бы я ни подалась, рано или поздно оказывалась на незнакомой улице, с потрепанной сумкой через плечо, без медяка в кармане, путных мыслей в голове и планов на будущее. Впрочем, пара медяков имелась. И неплохо бы потратить их на местечко у теплого очага, где можно и подумать спокойно, и переждать подступающую метель.

Я снова посмотрела по сторонам. Узкая улочка городской окраины, скудно освещенная зеленоватым пламенем редких факелов, показалась... не той. Неужели я опять напутала с перемещением?.. В последнее время собранность, вернее – ее отсутствие, стала моим личным проклятьем... И, собираясь переместиться в выбранный город, я разбивала оземь зелье перехода, но оказывалась совсем не там, где нужно, а... где-то.

А где, кстати?

Ответ на вопрос – у ближайшего дома. Трехэтажное каменное здание встретило мой прищуренный взгляд суровым взором погашенных окон. Покинув гильдию искателей и уй-

дя на вольные хлеба, я старалась находиться от нее как можно дальше... и именно там я сейчас и нахожусь. Как можно дальше. На другом краю мира. Дальше просто некуда. И, похоже, только на это «дальше» и годятся мои рассеянные мозги.

Я поднялась по ступенькам крыльца и стряхнула с перил снег. С кованых узоров сердито смотрел символ эпохи Седьмого после Великой. Как интересно... Эпоха Рассветных сумерек – нагромождение кудрявых облаков, позолоченных первыми лучами солнца. И узкие, как первые солнечные лучи, городские улицы, громоздкие, «наезжающие» друг на друга дома без острых углов и преимущественно... всех цветов рассвета. Да, далековато меня забросила судьба... Но и здесь дела найдутся.

И я вернулась к началу улицы – заснеженному еловому парку, окружающему город. Оценивающе посмотрела по сторонам, но в снежной мгле не было ни души. Только я и мой молчаливый спутник.

– Молчун, разомнешь крылья? – спросила шепотом. – Да-да, поищи постоянный двор, будь другом... Знаешь, не хочу светиться. А я разве не рассказывала?.. В свое время искатели где-то здесь раскапывали древний город, а когда нашли, прибрали к рукам все сокровища. Нет, это наше право, и в договоре оно прописано, но местные «рассветные» власти такой скандал устроили: дескать, наше достояние, отдайте. «Искательские» главы, посоветовавшись, что-то отдали, –

ведь большие ссоры начинаются с маленьких разногласий. Но отдали именно «что-то», для отвода глаз. А главные ценности оставили себе. И местные так обиделись... Теперь нас тут не любят. Разведаешь? Благодарю, дружок.

Ворон недовольно повел крыльями и тяжело поднялся в воздух, а я стряхнула с ближайшей скамейки снег, села и призадумалась. Значит, так...

Перед моим мысленным взором развернулась карта мира. Три материка, пять архипелагов и множество островов. В эпоху Великой люди освоили первый материк, в эпоху Девяти ее последователей – Первой и Второго – два остальных, далее – пять архипелагов. А Восьмой и Девятому для освоения досталась горстка островов. И я наверняка нахожусь «в гостях» у Седьмого – на архипелаге Рассвета. Конечно, постройки и символы эпохи Седьмого встречались и на материках... Словом, на рассвете и разберёмся. По крайней мере, городов рассветного стиля на материках точно нет, насколько мне известно. А известно мне многое.

Я потеряла подбородок. Расклад – чудеснейший. Зелий больше нет, денег... всё равно что нет, работы – тоже нет, статуса искателя... опять же, всё равно что нет. Да, будь я рассветным магом... Впрочем, магом я была, но не рассветным. А тёмным, обществом отвергаемым. И этот дар я усердно прятала ото всех... кроме тех, кого он мог спасти. А людей, проклятых древними темными, в мире хватало – наши злость и ненависть, к сожалению, долговечны.

Однако то, что для другого проклятье, для меня – необходимая, как воздух (и как жизнь), сила. И в последнее время я целенаправленно ищу проклятых, собирая слухи и сплетни, гоняюсь за ними по всему миру. И сейчас должна находить... неважно где, если меня там нет. Но можно поискать проклятых здесь. Они часто селятся на отшибе, подальше от остального мира.

Вздыхнув, я спрятала озябшие ладони в широких рукавах плаща, посмотрела на запорошенное снегом небо и поежилась. Где Молчуна носит, будь он неладен?.. И, словно услышав мои мысли, в небе зашуршали невидимые крылья. Молчун, усталый и взъерошенный, тяжело опустился на спинку скамейки и глухо тявкнул.

Я повернулась к нему и укоризненно качнула головой:

– Сколько тебе говорить, не позорься. Выбрал облик ворона – подражай полностью. Подставишь меня – хлопот не оберешься.

Молчун, раздувшись, издал хриплое карканье и попытался забиться ко мне под плащ. Да, сезон Снежной луны никогда не был его любимым временем года... Я расстегнула верхние пуговицы и пустила его к себе за пазуху.

– Мокрый, зараза... Где постоянный двор? До конца улицы и направо, второй дом? Я пошла, а ты... не царапайся!

Ворон недовольно посопел и, пригревшись, тихо, по-кошачьи, заурчал. Нахал. И ведь люблю же его за что-то... Изпод ворота сверкнули озорные янтарные глаза.

– Ты прав, – признала я. – Больше у меня в целом мире никого нет... Хотя нет, еще есть братство темных и Хлосс... Но они слишком далеко.

Но – хватит о грустном. Отрешаясь от ненужных мыслей, я поспешила к постоялому двору, любуясь снегопадом. Крупные пушистые хлопья, расправив ажурные крылышки, спускались с темных небес, сверкая в бледных лучах факелов, устилая мостовую, ласково касаясь моего лица, замирая на ресницах. И волшебное мгновение не нарушал ни один звук, лишь явственнее становилась густая, теплая тишина. И я с удовольствием прислушивалась к ней, без труда улавливая и тихие напевы древних песен, и дивные мотивы старых сказок. Умеющим слышать снежная тишина рассказывала о многом.

Улыбнувшись, я обняла одной рукой Молчуна, спрятав вторую в кармане плаща. И – хватит о грустном. Время скитаний научило меня жить днем сегодняшним, оставляя прошлое там же, где остается вчера. В прошлой эпохе. В прошлой жизни. Там, где меня уже нет. Там, где меня уже никогда не будет. И что было, то прошло.

Мимо меня проплывали сонные силуэты заснеженных домов. Я шла, зябко съежившись, и задумчиво смотрела по сторонам. Здесь всё дышало историей и древностью забытых эпох. И каждый дом – история. И каждая калитка – шагок в прошлое... Вещи хранят память бережнее людей и тем интереснее прикасаться к скрытым в них тайнам. Даже если ока-

зывается, что тайна скрывает лишь полное отсутствие тайны.

Я совершенно забыла о холоде. Брела, не слыша собственных шагов, и всем своим существом впитывала ауру города. Магия рассветных сумерек дарила ему сырую свежесть, нежность красок и невесомое затишье, которое возникает лишь перед восходом солнца, когда мир застывает в предчувствии неведомого, чтобы, спустя мгновение, разорвать тишину многоголосьем радостных трелей первых пташек... Да, город определенно начинал мне нравиться. К тому же я мало встречалась с творениями рассветной эпохи Седьмого, большую часть времени проводя на материках.

Молчун, высунув клюв из-под плаща, тихо и предупреждающе хрюкнул. Я насторожилась.

Внимание, опасность...

Быстро свернуть с улицы в заснеженный проем между домами и чутко замереть во тьме, затаив дыхание, – привычное дело пары мгновений. Ворон попытался подать голос, но я успела зажать ему клюв. Тихо... Сам знаешь, не маленький. Слышу, конечно. Трое. Мужчины. Чужаки. Двое – сумеречные маги, третий – вор. И вся компания – слабенькие, Младшее поколение и по уровню обучения, и по дару. Откуда я знаю? Оттуда. Не зря в гильдии искателей столько лун вкалывала, да и дар моей тьмы – видеть сокровитное – никто не отменял. Прикрой лучше. Как-как... Мрак – самое надежное укрытие.

Ночная тьма у моих ног заклубилась, поглощая отсветы

факелов на свежем снегу и мои следы. Я настороженно прислушалась. Смех, шутки, снова громкий смех... Странно, что троица не спешит и не соблюдает осторожность, хотя очевидно идёт с дела... Я сосредоточилась и закрыла глаза. От вора пахло... тайной. Стажил он определенно... не деньги. А старинную ценность. И не просто старинную, а очень древнюю... От напряжения у меня застучало в висках. Чувства обострились до предела и невольно потянулись к тайнику, что скрывался в складках воровского пояса. Искательское чутье, восторженувшись, очнулось после долгого сна, настраиваясь на работу.

Еще шаг, еще ближе... Я глубоко вздохнула, прислушиваясь к себе. Магия рассветных сумерек вмешивалась в *ощущение* предмета, сбивая с толку. Еще несколько шагов... Цыц, Молчун, кому сказала! Ощущение почти стертое, еле уловимое... Эпоха Первой или Второго. Или Великой, но находки этой эпохи сейчас слишком редки, а всё найденное давно запрятано в хранилищах гильдии искателей. Наверное, эпоха Первой. Но что делает столь ценная вещь в столь унылой дыре – на далеком от материков острове, в городке-две-улицы?..

Троица вынырнула из переулка рядом со мной. Ударил резкий запах перегара и... Поглотил меня Вечность... Я нервно вздрогнула, наконец *почувствовав* вещь. Откуда у них *это*?.. Я моргнула, прислушалась к ощущениям и обескураженно покачала головой. *Это* должно давным-давно скрывать-

ся под толстым слоем пыли в хранилище гильдии!.. Я ведь сама *это* нашла и лично сдала на хранение! А второго такого предмета в природе нет... если, конечно, легенды не врут.

Я не знала, то ли молча пропустить незнакомцев, то ли выйти под свет факелов и... Жизнь сдвинулась с мертвой точки и понеслась вперед, обгоняя легкокрылый ветер?.. Похоже... И снова всё повторяется. Чем старательнее я топталась на обочине, прячась от мира, тем быстрее оказывалась в центре событий, связанных и с моим прошлым, и с искательским даром.

Хлосс всегда говорил, что истинно верный путь никогда не отпустит и заставит вернуться обратно. Заставит, хочешь ты этого или нет. Я не хотела. Но иногда... рисковала. Искательский путь манил ожиданием мира, от которого невозможно отказаться, нехожеными дорогами, осевшей на тайниках пылью, азартом прогулки по краю смертоносной Вечности... Манил, несмотря на страшную расплату... из-за которой я сейчас нахожусь здесь, а не в любимом поиске. И по крупницам вытягиваю из проклятых силу, чтобы тьма заглушила искательство, чтобы... выжить. Чтобы...

Я многозначительно посмотрела на Молчуна и качнула головой, поймав его понимающий взгляд. Да, история опять повторяется. Я могла бы пропустить людей мимо. Сделать вид, что ничего не заметила. Подождать, когда стихнут веселые голоса, растворившись в ночи. Развернуться и пойти по своим делам. Забыть и привычно оставить случайное собы-

тие за спиной, в прежней жизни... Но я не смогла. Слишком значима цена, однажды за *это* заплаченная. И слишком велика опасность. Творения Великой в умелых руках – страшная сила. А в неумелых – тем более. И выбор вроде есть, но такой, словно его нет.

Поведя плечами, я бесшумно сбросила на снег плащ мрака. Оценивающе посмотрела на широкие спины беззаботной троицы. Снова переглянулась с Молчуном. Ты знаешь, что делать, верно, дружок?..

Ворон послушно вспорхнул из моих рук, сливаясь с тьмой, становясь с ней одним целым и закутывая людей в покрывало страха. Кто-то всхлипнул, кто-то захрипел, кто-то помянул Вечность... А Молчун, сплетая над улицей незримую паутину тьмы, жадно поглощал жизненную силу людей.

– Только без жертв, слышишь? – забеспокоилась я. – Молчун! Только не как в прошлый раз!..

Поздно. Мой пернатый спутник опять поступил по-своему. И три бездыханных тела скрючились на свежем снегу, а он всё падал и падал, улицу холодным покрывалом, быстро заматывая следы. Я невольно прислушалась. От домов – ни звука. Скоротечная схватка никого не потревожила. Кажется... Да, все спят. Ни движения в домах, ни огонька в окнах. И по-прежнему ни души на ночных улицах.

Поджав губы, я сурово посмотрела на ворона. Тот же, донельзя довольный, распушив хвост, сидел на спине вора и урчал от удовольствия.

– Убираться сам будешь, понял? – предупредила я, подходя ближе.

Молчун сыто икнул и счастливо прикрыл глаза. Присев, я поспешно стянула с вора пояс и завозила с карманами. От неприятного предчувствия и волнения дрожали руки, и карман я разорвала. Плотная ткань разошлась, и на снег выпала крошечная, прозрачная фигурка. Я тихо помянула мрак. Ворон довольно поддакнул, мяукнув.

Я сжала в дрожащих руках артефакт, невольно зажмурившись. Мощная волна воспоминаний накрыла с головой, затуманив взор и перенеся в одну из прошлых жизней, в которой...

...закатные сумерки золотили туманные вершины далеких гор, пробиваясь сквозь тяжелые тучи. Я сидела на мшистом валуне и, подставив лицо теплым порывам ветра, довольно щурилась на заходящее солнце, прислушиваясь к клетоту летающего Молчуна. Короткий отдых перед дальней дорогой – и безбрежная радость от важнейшего открытия... Я открыла глаза, вновь посмотрев на чудо творения Великой.

Тонкие витые колонны вдоль хрупких, мутно-стеклянных стен, остроконечная крыша с девятью хрустальными башенками по краю и прозрачной фигуркой на пике, – Небесный храм, как мы назовем его позже. Небесный храм – символ Великой и Девяти ее последователей, затерянный среди перевалов Мшистых гор, – хранилище знаний эпохи Великой и

ее секретов... Я так долго искала его, и я его нашла!.. Нашла среди опасных перевалов, на крошечной площадке, в окружении древних каменных стен и бездонных пропастей.

Меня переполняло беспредельное и безмятежное счастье. Как истинный искатель я радовалась каждой новой находке, каждому открытию, но легендарный Небесный храм, в чьем существовании сомневались все, кроме меня, сразу занял среди них особое место. Я так долго отстаивала свою идею в гильдии искателей перед советом Старшего поколения, выпрашивая людей и средства на поход... Мне не особо верили, но помогли. Моя репутация удачливого искателя перевесила сомнения.

По моему лицу расплылась глупейшая самодовольная улыбка. Храм – это заявка на золотой узел, и я стану самым молодым в истории искателем Старшего поколения... На прозрачных куполах, словно вторя моим мечтам, вспыхнули закатные искры, рассыпаясь водопадом расплавленного золота.

Я судорожно вздохнула. На мгновение почудилось, что хрупкое чудо растает в воздухе, превратившись в мираж, или рассыплется пригоршней дешевых стекляшек. Зажмурившись, я ущипнула себя за предплечье, открыла глаза и с облегчением улыбнулась. Какие глупости порой лезут в голову от счастья... И смотрела на древнее сокровище и не могла насмотреться, и верила себе, и не верила.

– Рейсан!

Я повернулась к своему напарнику и давнему другу. Взырошенные темно-рыжие кудри, серые глаза, смотрящие на мир с неизменной добродушной улыбкой, трогательная россыпь веснушек... и свет. Столько света не излучали даже маги Среднего поколения гильдии Первой. И не я одна советовала ему бросить ремесло искателя и податься в маги света, где из него вышел бы толк, но Джаль всегда слушал только собственное сердце. Джаль. Джалиф ун-Нар. Мой друг. Мой неизменный напарник. И самый замечательный человек, которого я любила и не скрывала своих чувств.

– Никак не насмотришься? – отряхнув штаны, он сел рядом и лукаво улыбнулся.

– Конечно, – охотно согласилась я. – Этот храм – моя гордость!

Джаль смирил находку пристальным взглядом и кивнул:

– И твое чудо, и...

– ...золотой узел, – вдохновенно подхватила я, – и прямая дорога в совет Старших...

– Это потом, – мой собеседник повел плечами. – Сначала – путь обратно и отчеты... И решать не нам, а совету гильдии.

– Вредные мелочные старикашки, – проворчала я, а Джаль весело поднял брови. – Сидят, запершись в хранилищах, носа оттуда не кажут, требуют сверх меры, а сами давно ни во что не верят... Даже в самих себя.

Он усмехнулся. Я вздохнула:

– Не хочу отсюда уходить...

– До темных сумерек нужно вернуться в лагерь, – напомнил друг. – А с рассветом – домой, и долго нас ждать никто не будет. А по горам да в темноте...

– Зануда ты, Джалиф! – я скорчила ему рожицу. – Он ведь так и не открылся!..

– До середины заката, Рейсан, – настырно повторил Джаль, – как мы и договаривались, – и ободряюще обнял меня за плечи: – Не волнуйся. Если храм не открылся своему искателю, то не откроется и другим. Но однажды мир решит, что ты достойна этой тайны, и его ожидание вновь позовет тебя в дорогу, – и утешающе поцеловал меня в висок. – И опять приведет сюда. А сегодня – до середины заката.

До середины заката... Солнце едва касалось острых горных вершин, и немного времени у нас есть. Храм подмигивал бликами золотистых лучей, и его нераскрытая тайна – начало истории Великой – притягивала, завораживала, очаровывала...

– Смотри, – Джаль сжал мои плечи, – а статуя-то оживает.

И верно... Хрупкая хрустальная фигурка, венчающая крышу, медленно подняла руки, и из ее точеных ладошек закапала вода. Закапала, собираясь в ручейки, огибая башенки и сбегая по колоннам вниз, в чашеобразное углубление у фундамента, чтобы вновь устремиться ввысь крохотными фонтанами. Мы переглянулись и встали. Ничего не опасаясь, беспечно дивились чуду, держась за руки, переговариваясь,

посмеиваясь, перешептываясь...

Откуда пришло ощущение опасности? Может быть, из эха далекого камнепада. Может быть, из дрогнувшей под ногами земли. Может быть, из вспышки боли в висках и коснувшихся плеча ледяных щупалец Вечности... Я заметила, а Джаль – нет. И неожиданный шквальный ветер смел его с узкой тропы в пропасть, пока я изо всех сил, обдирая руки и инстинктивно колдуя липкую паутину мрака, под встревоженный клекот Молчуна цеплялась за мшистый валун. И мир поблек, помертвел, потемнев и сорвавшись в холодную пустоту, а...

...по моей щеке скатилась одинокая слеза. Тряхнув головой, я отогнала воспоминания и судорожно сжала хрустальную фигурку. Ходили слухи, что Джаль выжил. Но большинство утверждало обратное. А я... не знала. И хотела верить... и не верила. Но тогда, как в тумане спустившись со скалы, больше никогда его не видела. И искать... побоялась. Я могла найти всё, что угодно – и находила, побери меня мрак, даже храмы первой Изначальной эпохи мира! – а тело близкого человека... Побоялась. И захотела запомнить Джалю... живым и улыбающимся, а не сломанной о камни куклой.

Небесный храм, когда я очнулась, уже исчез. Рассыпался пылью, которую венчала хрустальная и вновь безжизненная фигурка. Я рискнула забрать артефакт с собой и сдала его в

хранилище, ничего толком не объяснив. И потерялась. В мире. В странствиях. В поисках проклятых. И в своем одиночестве. Потерялась, пообещав себе никогда не возвращаться на прежний путь и запретив даже вспоминать об искательстве, о Небесном храме... и о Джале.

Бездушно-ледяной хрусталь, излучая холодное сияние, обжигал ладони сквозь теплые перчатки. Символ прихода Великой. И символ прощания с дорогой искателя. Я сошла с нее – и почти поверила в это, – но путь не собирался меня отпускать. И остается только догадываться, как артефакт очутился именно здесь. В существование второго Небесного храма верилось с трудом, хотя... Всё может быть. История умеет преподносить сюрпризы. И, пожалуй, надо обдумать находку. Знаю я много, и мне есть, что вспомнить.

Спрятав фигурку в поясной карман, я задержала дыхание, успокаивая взбесившееся сердце. Что было – то прошло, а прошлое нужно уметь отпускать и идти вперед. Жизнь – миру, а память – Вечности...

Я встала, выпрямилась и закуталась в плащ, встретив сочувственно-вопросительный взгляд Молчуна.

– Убери следы, – и, развернувшись, побрела по улице.

Случившееся не давало покоя. Я сидела за шатким замызганным столиком, вертя в руках глиняную кружку с остывшим чаем, и обдумывала недавнюю встречу. Случайность, совпадение или... чье-то вмешательство?.. Прошло

пять Пыльных лун с тех пор, как я покинула тропу искателя – шестая вот-вот наступит, но пока никто мною не интересовался. И, кажется, никого не волновало мое внезапное исчезновение. А это странно: искателей моего уровня раз-два и обчелся. Но меня... отпустили.

И не менее странно появление частички Небесного храма. Во-первых, я не подобрала к ней ключей, а если не разобралась я, то не разберется больше никто. В гильдии не принято передавать незавершенные дела от одного искателя к другому. Следовательно, артефакт должен находиться в хранилище под замком. Во-вторых, он появился именно здесь и именно тогда, когда я сама очутилась рядом. Я, конечно, всегда умела оказываться в нужном месте в нужное время – это часть искательского дара... Но в каждой случайности есть доля судьбоносного совпадения. А совпадения легко подстроить.

Итак... чье-то вмешательство? Но кто решил вернуть меня на путь столь странным способом? Гильдия бы отправила посланцев и поставила вопрос ребром. Джаль... не может. Это и не его стиль, и... И нет его давно. Кто еще? Теряюсь в догадках... Ведь, опять же, случайность – это запланированное стечение закономерностей. А вот кем именно запланированное – судьбой или же человеком...

Молчун, сонно моргающий на спинке соседнего стула, тихо крикнул. Я прижала палец к губам и быстро осмотрелась. Вроде, никто не заметил... В маленьком полутемном каба-

ке, скудно освещенном парой факелов, кроме меня находилось еще трое. Преклонных лет мужчина в потертом плаще спал за столиком напротив, доверчиво обнимая кружку, и сквозь сон жаловался своей глиняной собеседнице на сварливую жену. У двери, привалившись к косяку и подложив под голову свернутую сеть, храпел рыбак. В дальнем темном углу, подобно мне, пряталась загадочная личность, до ушей завернутая в плащ и жадно поедающая отвратительного вида жареную баранину с овощами.

Я брезгливо сморщила нос, внутреннее отметив, что оплошности ворона вроде никто не заметил, и показала Молчуну кулак. Тот, обиженно засопев и нахохлившись, спрятал голову под крыло, а я уткнулась в свою кружку. В голове не укладывается... И попробуй, разберись теперь... Говорила Молчуну – только без жертв, хоть было бы кого расспросить, так нет, нужно обязательно сделать по-своему... Ворон, подслушивающий мои мысли, засопел еще обиженнее.

– Не зли меня, – шепотом предупредила я. – И в следующий раз делай, как говорю, понял?

Мой пернатый спутник, как обычно, гордо промолчал. Я вздохнула и нахмурилась. И не узнать теперь ничего по свежим следам... и по несвежим – тоже: Вечность быстро прибирает к рукам пустые оболочки, обращая их в прах. Ладно. Утром поброжу по округе, послушаю сплетни и постараюсь разобраться. Всё, Молчун, охраняй.

Я допила остывший чай, отодвинулась к стене, поерзала,

заворачиваясь в плащ, и мгновенно уснула. И снова увидела Небесный храм. Поднимающая руки хрустальная фигурка и растерянное лицо Джала, водяные струи и закатные блики на точеных башенках... Оглушенная болью, я цеплялась за мшистый валун и слышала, как с тихим шорохом исчезает древнейшее чудо мира. Рассыпаются колонны, оседает водяной пылью крыша и катятся по склону в пропасть башенки. Какая случайность – или сила? – сберегла фигурку-статую? Загадка. Но Небесного храма больше не существовало, лишь далеко внизу сбивчиво шумел горный поток. И я...

...проснулась от пронзительного холода. Сильный порыв ветра распахнул дверь и снежной птицей пронесся по кабаку, тревожа огоньки факелов и задувая свечи, поднимая у порога снежную пыль и дрожью пробираясь под одежду. Я хмуро посмотрела на спящих «постояльцев», на дремлющую в углу служанку и, потянувшись, встала. Хлипкий засов оказался сорванным, и дверь пришлось подпереть ближайшим столом. Но до рассветных сумерек – всего ничего, а там проснется хозяин кабака и что-нибудь придумает.

Ветер за запертой дверью недовольно завыл и выюжными когтями заскребся в затуманенные окна, замерзшим путником запросился в дом. Присев у потухшего очага, я пошевелила кочергой угли, подбросила дров и, полюбовавшись на веселый танец пламени, вернулась за свой столик и зажгла свечу.

Итак, Небесный храм... Фигурка, спрятанная в складках

поясного кармана, слабо запульсировала, и я неосознанно провела по ней ладонью. Для чего же ты?..

Древние храмы создавались не для красоты, а с конкретной целью, и находились они лишь тогда, когда *хотели* найтись. И были храмы-хранилища, которые, выполнив предназначение, рассыпались в пыль, унося в Вечность людей – платой за тайны новых знаний и умений. А есть храмы помощи, которые стоят и по сей день: храм Перекрестка, помогающий людям с несколькими способностями выбрать истинный путь, храм Вечности, открывающий людям путь *туда* – в смерть или в новую жизнь.

Закрыв лицо руками, я поджала дрожащие губы. Прости, Джаль... Это ведь я нашла Небесный храм, и я, а не ты, должна была уйти... И, захлебнувшись вдохновением поиска – и безрассудно поверив в свою обычную удачу, – я совсем забыла о жертвах во имя... Но что случилось, то случилось, на всё воля Вечности... Я криво улыбнулась. И мне тогда досталось, но, видимо, именно мне и полагалось выжить... *Чтобы разгадать?..*

Вероятно...

Я слепо посмотрела на крышку стола, и азарт искателя во мне сцепился с осторожностью темного мага. Это проклятье дара: стоит почувствовать запах тайны – и в путь по следу, и только ветер за плечами и бесконечность под ногами... И за тайной – на другой конец мира, на другой конец света, да хоть на порог Вечности и обратно... Глупо? Возможно. Но

такова жизнь искателя. А я им была. Всегда.

Откинувшись на спинку стула, я потрянула головой, всё для себя решив. Молчун, проснувшись, потянулся, взмахнул крыльями и неодобрительно ухнул. Я пожала плечами. Поздно. Обратной дороги нет. И никогда не было. Как не было и «боковых» троп. Только обочина, которая уже в печенках сидит. Значит, с рассветными сумерками можно приступить к поискам, хотя я подозревала, что прежнего владельца артефакта искать не придется. Он сам меня найдет, чтобы вернуть утраченное. Молчун хорошо замечает следы, но всегда же найдется тот, кому не спалось, кому приспичило по нужде и именно к окну...

В ожидании рассвета я долила из кувшина холодный чай и достала из сумки грифель и лист бумаги. Задумчиво изобразила на листе крышу храма, увенчанную фигуркой, и по памяти набросала купола. Острый шпиль – символ Первой, две грани – Второго, три – Третьего, четыре – Четвертой и так далее. А фигурка – вероятно, олицетворение Великой. Хм...

Я рассеянно провела соединяющие линии между башенками и от башенок к центру, отложила грифель и задумалась. Если храм разрушился, значит, свой секрет он раскрыл, просто мы его не увидели. Или не успели увидеть, отвлекшись на магию артефакта, а потом стало поздно. И страшно. И больно даже вспоминать. А теперь... нужно. Необходимо, чтобы понять. Кто знает, зачем обо мне вспомнили, выкопав

из хранилища то, что должно сгнить там в безвестности...

То есть что-то в облике храма было, что-то волшебное и заметное... Я закрыла глаза и как наяву увидела крышу Небесного храма. Солнечные блики на хрустале, паутинка лучей, окутывающая острые грани и высекающая искры... и сплетающая из них символы. Моя рука быстро рисовала на бумаге то, что я вспоминала, и чем дальше погружалась в прошлое, тем четче становилась картинка. Блики, зажигающие закатные свечи на острых гранях, мерцающее марево известных символов, расплывчатое и еле уловимое...

Рука замерла над бумагой, и я посмотрела на собственное художество. В куполе каждой башни сияло девять элементов стихийной Изначальности. Круг света и проходящая сквозь него рука – символ Первой. Ярко-красное полукружье заходящего солнца – закатные сумерки и Второй. Размытый туманом человеческий силуэт – туманные сумерки и Третий. Черное пятно луны и солнечные лучи вокруг него – темные сумерки и Четвертая. Три пересекающихся лунных луча – лунные сумерки и Пятый. Расплывчатое пятно тени в окружении сизой дымки – мгlistые сумерки и Шестой. Золото кучевых облаков на бледно-голубом небе – рассветные сумерки и Седьмой. Солнечные блики в темных глазах – светлые сумерки и Восьмая. Паутина тьмы в сжатом кулаке – мрак и Девятый.

Мое сердце на мгновение замерло в предвкушении и учащенно забилось. Карта... Элементы Изначальности, собран-

ные вокруг фигурки Великой, наверняка указывали на путь к творениям эпохи Изначальности. Я нетерпеливо поерзала на стуле. Наверняка карта...

Среди искателей все рассыпающиеся храмы назывались храмами Изначальности, хотя они относились к эпохе Великой и последующим. Ибо в эпоху Изначальности, если верить древним летописям, строить было некому и не для кого. А не верить им смысла нет: свитки составлялись людьми, лично знающими хотя бы одного из Девяти. Ведь в те стародавние времена Девять неизвестных, как их называют сейчас, не прятались от окружающего мира, а создавали гильдии и обучали магов премудростям силы. И рассыпающиеся храмы часто вели к тайнам тех, кто укротил стихийные силы Изначальности и сделал мир пригодным для обитания, – к секретам Великой и Девяти ее последователей.

В поисках ключа я мысленно восстановила ход истории – обычно детальная переработка имеющихся знаний помогала и сосредоточиться, и найти нужную зацепку.

Итак.

Изначально в мире не существовало ни людей, ни растений, ни материков и океанов – лишь три стихии: свет, сумерки и мрак, переплетенные в единый клубок. Откуда же сюда пришла Великая, не знал никто, да и не суть важно. Но – она пришла и решила, что мир ей подходит. Так наступила эпоха Великой. Она распутала клубок стихий и облагородила внешний облик мира.

Создания же, которых Великая вызвала из Вечности, выжить в мире не смогли: сила стихий по-прежнему уничтожала всё подчистую и порождала своих существ, чьи останки мы находим до сих пор. И тогда Великая создала Девятерых своих последователей: взяла подобие человеческой оболочки, разделила стихийную силу света, сумерек и тьмы на девять потоков и наделила ею каждого из Девятерых. И они стали сосудами, носителями стихий.

Так продолжалась эпоха Великой. Люди, вслед пришедшие из Вечности, осваивали первый материк и принимали дары Великой, а она преподнесла им способность к определенному пути – маг, торговец, искатель, алхимик, охотник, воин, искусник, вор и прочее – и соответствующее ремесло вкупе со знаниями. Потоков ремесленных сил после «уборки» в мире осталось с избытком – они безопаснее и слабее магических. А вот тем, кто был рожден для магии, остатков стихийных сил не хватало, и тогда явилась Первая и принесла свет и знания, потом – Второй с силой закатных сумерек, а следом – и остальные, по очереди. По легенде, спускаясь в мир, один из Девяти высвобождал всю силу и распылял ее среди людей. Так проходила эпоха за эпохой, пока не явился Девятый.

О дальнейших событиях легенды говорили разное. Одни – что темные подрались с сумеречными и втянули в войну свет, вторые – темные сцепились со светлыми, а сумеречные попали под раздачу. Или же – темные ни при чем, во всем

виноваты сумерки, к свету и мраку досталось на всякий случай. Но, так или иначе, эпоху Девятого сменила эпоха Войны, которая едва не стерла всё живое в прах, а сам Девятый якобы наотрез отказался продолжать свое дело и замыкать круг силы. Он закрыл гильдию и исчез. И магов мрака с тех пор рождается очень мало, и им практически нечего использовать — силы в мире нет. Фактически наша сила — знания, оставшиеся от магов эпохи Девятого, найденные нами и бережно сохраненные.

Я в двадцатый раз изучила рисунок. Куда же ведут символы? Башенки — это явный круг из Девяти неизвестных, это... Может, намек на возвращение в мир стихий, то есть... на возвращение Девятого и стихии мрака? Говорят, что у темных нет сил еще и потому, что Девятый сначала отдал ее перед войной, а потом забрал... или где-нибудь запер. И теперь мы слабее, чем были до его прихода, когда в мире после «наведения порядка» силы немного, но оставалось.

И — нарисованный круг... Легенды говорят, что круг надо замкнуть, чтобы соблюсти равновесие сил: после прихода Девяти неизвестных в мире должно остаться равное количество стихийных сил, а не так, как теперь, когда мрака нет вообще. Но, впрочем... Я устало сощурилась на изрисованный лист. Мысли путаются и норовят ускользнуть от насущного к наболевшему... Надо сосредоточиться и подумать. А лучше всего думается во время прогулки.

Я посмотрела в окно: по улице несмело кралась сизая

мгла, и до рассвета еще далеко. Лениво потянувшись, я положила на стол медную монетку, спрятала свои художества в сумку и разбудила Молчуна. Оправила одежду, подтянув штаны и теплую тунику, перешнуровала сапоги и надела перчатки. Закуталась плащ, подняв высокий воротник, убрала распущенные темные волосы под капюшон и перекинула через плечо сумку. И, тихо отодвинув от двери стол, вышла на улицу.

После духоты кабака свежий морозный воздух приятно кружил голову. Я подняла глаза к небу и рассеянно улыбнулась. С материков Снежную луну, правящую долгим сезоном холодов, видно плохо, а здесь она представала во всей красе. Огромный снежно-белый диск, разделенный надвое рядами тонких колец, озарял вверенный ему мир и не спешил прятаться за близкой чертой ленивого океана. Пользуясь случаем, я быстро осмотрелась.

Занесло меня действительно на архипелаг, вернее, на один из его островов. И островок, надо заметить, крошечный. Кабак находился на краю города, недалеко от молчаливого пирса, у которого дремали два корабля. Я вернулась на знакомую улицу и побрела обратно, к парку на окраине. Шагов пятьдесят – и я уже у городской черты, в окружении сонных елей и сугробов, вдали от любопытных глаз. Я прищурилась и, присев, нарисовала на снегу знак поиска. Дарискателя – видеть больше, чем видят другие.

Знак засеребрился, вороша снежинки, и они соткались в

крошечное воздушное отражение города. Центральная площадь с замолчавшим фонтаном и башней градоначальника, на которой развивался стяг с символом Седьмого, – и узкие улочки, лучами разбегающиеся в разные стороны. Улиц, правда, не две, а десять, но городок небольшой. А вот дома, как и предполагалось, рассветного стиля: сложенные из камней разной формы без четкого соблюдения пропорций, большей частью круглые или овальные, местами выпирающие из стен, – кучевые облака на земле. И на отдельно взятой улице нет двух домов одинакового цвета.

От тонкой полосы скрытого в тумане океана город отделяла черта спящего черно-белого леса. Да, и дар тьмы: видеть даже то, что не увидит ни один искатель.

– Название? – я вопросительно посмотрела на символ.

Снежный фантом рассыпался, чтобы смениться буквами – Край рассвета. Какая прелесть. Я хмыкнула и побрела по заснеженной парковой тропе, приподняв полы плаща и по щиколотку утопая в сугробах. Кстати, и край-то почти не исследованный. Искатели предпочитают изучать материки, где находится немало любопытных тайников, а на архипелаги и острова суются редко. Да и не любят нас здесь с некоторых пор.

Но коли мне пока деваться некуда...

Размышляя о вечном, то есть о загадках Небесного храма, я бродила по городу почти до вечера. Немногочисленные местные жители обходили меня стороной и провожали недо-

вольными взглядами. Но что мне до них... Весь день я вспоминала, размышляла и сопоставляла известные сведения, но внятных ответов не находила. И чудилось, что они лежат на поверхности, но я не могла вспомнить, где и когда сталкивалась с подобным. В конце концов, на исходе закатных сумерек, уставшая, голодная и замерзшая, я заметила приличный постоялый двор, подсчитала имеющуюся наличность и вздохнула. Опять деньги искать... Не люблю это, но когда их совсем нет...

Постоялый двор – громоздкое четырехэтажное строение нежно-розового цвета – находился почти в центре города, недалеко от площади, среди проложенных троп. Воровато оглядевшись, я присела и быстро нарисовала на снегу символ короткого пути. Рядом замерцал серебром снег, указывая на обнаруженную находку. Я красноречиво спихнула с плеча Молчуна. Ворон тяжело вздохнул, но помог. Мне копошиться в снегу казалось несолидным, а ворон на то и ворон, дабы таскать всё, что плохо лежит.

– На соседней улице, между первым и вторым домом, – шепотом подсказала я, сверяясь с символом. – А потом – на центральной площади: у фонтана, у башни градоначальника и у оранжевого дома. Да, и в переулке слева посмотри. Есть? Тогда возвращайся.

Ворон тяжело опустился на мое плечо, прежде сбросив в подставленные ладони свою добычу – три серебряные монеты и с десяток бронзовых. Можно, конечно, еще поискать –

на будущее... Но я устала. И нечего мозолить глаза. Погода, конечно, такая, что все сидят по норкам у натопленных очагов, но... Да, всегда кого-нибудь принесет к окну в неподходящий момент. И перекусить бы не помешало. В походах я привыкла есть один раз – вечером, а в остальное время спокойно обходилась травяным чаем. Но вечером поесть обязательно.

Весело погромев монетами, я откинула капюшон, стряхнула с плаща снег и отправилась на постоялый двор.

Я сидела за дальним столиком и с удовольствием уминала горячий рыбный суп.

В отличие от недавнего портового кабака, на постоялом дворе было тепло и чисто. В круглом помещении по кругу же располагались опять-таки круглые столы и стулья, создавая уют, который не портили даже расписанные в стиле Рассвета стены – оранжево-розовые облака на фоне бледно-голубого неба. На потолке сиял круг бледно-желтых факелов. Чистые скатерти на столах, до блеска натертый деревянный пол и внимательная прислуга окончательно убедили меня в правильности выбора. Лучше оставить здесь всё серебро, чем мерзнуть за два медяка в портовом кабаке. А деньги – дело наживное и приходящее.

Я насмешливо посмотрела на Молчуна, блаженствующего на спинке соседнего стула:

– Ну что, где лучше?

Ворон склонил голову, признавая поражение. А ведь каркал про кабак – мол, дешевле... Проныра.

Доев суп, я взялась за тушеные овощи, когда дверь скрипнула, впуская в помещение представительного мужчину. Закутанный в дорогой черный плащ и поглядывающий на присутствующих свысока, вошедший обозрел помещение и направился прямым ко мне.

Я насторожилась. Да, всё верно: кто-то что-то рассмотрел, и передо мной – бывший владелец артефакта. Я уткнулась носом в тарелку, быстро изучая его ауру и читая сущность. Местный житель. Торговец. Развитое Среднее поколение. Обеспечен. Жизнью доволен. Не женат, детей нет. Скуп и жаден до крайности. Обожает древние безделушки.

– Приятного ужина, – и торговец вольготно развалился на стуле напротив меня, спихнув со спинки Молчуна. Тот недовольно каркнул и перебрался ко мне, настороженно затаившись за моей спиной.

Я кивнула, продолжая сосредоточенно жевать. Нахал однако. Нетерпеливый. Привык добиваться своего быстро и от окружающих ждет только повиновения. Я глянула на него исподлобья. Тронутое морщинами лицо, цепкие черные глаза, нос горбинкой, длинная седая шевелюра до плеч и пышные усы. Видный мужчина. Посмотрим, кто кого...

Торговец не стал медлить. Наклонился и тихо сказал:

– Нужно поговорить. Срочно. Наедине.

Я отрицательно покачала головой.

– Срочно, – настаивал он.

Я дожевала овощи и невозмутимо заметила:

– Надо поговорить – пожалуйста, говорите. После ужина у меня дела.

– А я, – почему-то обрадовался мой собеседник, – могу избавить вас от лишних дел!

– Да-а-а? – протянула озадаченно. – И как?

Он наклонился над столом, только что носом в мою тарелку не влез:

– Купив артефакт, разумеется. Который почему-то попал к вам в руки.

– Вы что-то путаете, уважаемый, – спокойно возразила я. – Никаких артефактов у меня нет.

– Есть, конечно же, есть, – мужчина проницательно смотрел в мои глаза. – Тот самый, который вы отняли у трех наемников прошлой ночью, – и зачем-то подмигнул.

Я с трудом сдержала смех:

– Не понимаю, о чем вы! Я? Отняла? У трех наемников? Вы мне льстите, почтенный, – и с деланным огорчением изучила свое телосложение. – И как же, по-вашему, я, невысокая, хрупкая и слабая девушка, справилась с тремя большими и сильными мужчинами?

– С помощью магии мрака? – неуверенно предположил торговец, покусывая ус.

– Которая осталась в легендах, – насмешливо уточнила я. – Даже непосвященным известно, что магии мрака давно

нет, а люди тьмы рождаются без силы. Не смешите, уважаемый. С чего вы взяли, что я – маг мрака? Не будьте голословным, предъявите доказательства.

Мой собеседник раздосадовано промолчал, пристально глядя в мою тарелку, после чего вкрадчиво заговорил:

– Ладно. Подойдем с другой стороны. Сколько стоит артефакт эпохи Великой?

– Вы, уважаемый, не с торговцем разговариваете, а с искателем, – с достоинством ответила я. – А для нас артефакты не имеют цены, как не имеет цены и тайна.

Он зло сверкнул глазами, и я «призадумалась»:

– Но если вы настаиваете...

Мужчина радостно закивал.

– Могу предположить, что артефакты эпохи Великой стоят от сотни золотых и выше, в зависимости от наглости торговца и направления силы, а также от нужд искателя и его...

– Я спрашиваю, сколько стоит этот конкретный артефакт!.. – зашипел, теряя терпение, торговец.

– Какой?.. – недоуменно захлопала ресницами я.

– Который находится у вас!..

– Ничего у меня нет, и точка, – разговор наскучил, и я вновь принялась за овощи.

Мой собеседник в бешенстве вскочил со стула, уронив его, и понесся к выходу, однако на полпути передумал, помялся и вернулся. Я с холодным любопытством наблюдала за тем, как он дрожащими руками ставит на место стул, са-

дится, шумно переводит дух и нервно дергает себя за левый ус. И?..

– Хорошо, предположим, что у вас его нет, – тихо заговорил торговец. – А где тогда он может быть?..

Я пожала плечами:

– Понятия не имею. Но самое место таким артефактам – в хранилище гильдии искателей.

Мужчина побагровел:

– Хватит придуриваться, девчонка!..

– Тише, зачем привлекать внимание?.. – возмущенно прошептала я.

На нас стали оборачиваться, и мой собеседник надолго замолчал, не сводя с меня злобного взгляда. А я продолжала рассеянно жевать. И, когда немногочисленные ужинающие вновь занялись собственно ужином, торговец вновь заговорил:

– Ты же понимаешь, что на тебя объявят охоту. Соглашайся по-хорошему.

– Но я же, по-вашему, могущественный маг мрака, убивающий трех наемников одной левой, – я с иронией подняла брови. – Чего мне бояться?

– А как насчет пары-тройки сумеречных магов Старшего поколения за углом?.. – намекнул он.

Я презрительно фыркнула:

– Старшие сумеречные, как и светлые, в грязные дела не лезут – репутация гильдии дороже заработка. И не забывай-

те, уважаемый, что я – искатель, а гильдии магов живут за счет наших заказов. И ссориться с нами им невыгодно.

Торговец долго молчал, с болезненным интересом разглядывая стол, а я гадала, найдет ли он способ меня прижать. Однако он посопел, пометался, помучился молча и встал, признавая свое поражение. И широким шагом направился к выходу, чем страшно разочаровал. Если бы не угрожал, а выложил карты на стол – что искал, от кого получил, кто и зачем стащил, почему артефакт так ему нужен... Избежал бы... неприятностей.

Я кивнула Молчуну. Тот, сверкнув глазами на уходящего, послушно расправил крылья и размытой тенью выпорхнул следом за торговцем. Я с сожалением доела овощи и отставила пустую тарелку. Вкусно здесь кормят, надо запомнить место... Пригодится, если снова окажусь на этом краю мира.

И, допив чай, я завернулась в плащ и вышла на улицу. Предстоит сделать еще одно небольшое дело, а потом – спать.

Улица встретила меня крошечной тьмой, в вязкой пустоте которой мерцали перья ворона – Молчун оставил след, видимый лишь мне. Только бы без жертв... С живым беседовать проще, чем с неживым. Я зябко поежилась на ветру, подняла воротник и ускорила шаг. Жилье столь приметного лица должно находиться неподалеку... И там оно и нашлось. На соседней улице, недалеко от центра города – красный трех-

этажный дом, освещенный оранжевыми факелами и вычурно поблескивающий позолотой отделки.

Я взбежала на крыльцо и распахнула незапертую дверь. Разумеется, далеко они не ушли. Я моргнула, привыкая к яркому свету. Мой недавний собеседник, опутанный сетью мрака, лежал на пушистом красном ковре посреди коридора и сдавленно стонал, а на груди торговца с довольным видом восседал Молчун.

При виде меня мужчина испуганно зашипел:

– Убери свою тварь, проклятая, слышишь?.. По-хорошему убери!..

Я усмехнулась и осмотрелась в поисках стула, заметив:

– Молчун, он тебя оскорбил, когда обозвал тварью.

Ответом послужило недовольное сопение ворона и короткий вопль торговца.

– Не убивать, – предупредила я. – По крайней мере, пока.

– Что... что значит – пока?.. – напряглась, побагровев, жертва.

– Пока не расскажете всё, что меня интересует, – пояснила я и присела рядом на корточки. – А меня интересует несколько моментов: как к вам попала статуэтка, кто ее принес, когда и зачем. Подробности обязательны, и чем их больше – тем для вас лучше.

– Знать не знаю никаких статуэток! – уперся, как недавно я, мужчина.

– Неужели? – я подняла брови. – Молчун, проверь.

Сеть мрака стянулась туже, и торговец взвыл от боли. Я поморщилась. Не мои методы, а что делать...

— Ну? — я кивнула ворону, и тот послушно ослабил путы. — Повторить вопрос?

— Уберешь его? — мужчина с ненавистью покосился на своего мучителя. — Тогда скажу.

— Вы не в том положении, чтобы ставить условия, — вежливо напомнила я. — Хотите жить — рассказывайте. Промолчите — допрошу ваш труп. Думаю, он будет сговорчивее. А времени, — и ненароком отвернула воротник, показывая нашивку Старшего темного, — мне хватит. Прежде чем поглотить тело и душу, Вечность дарит пару мгновений... попрощаться с усопшими. А я умею его продлевать. Не верите? Могу доказать.

Мой собеседник побледнел, кинул дикий взгляд на Молчуна и отрывисто, сбивчиво заговорил:

— Недавно ездил я на материк Первой. Он пришел ко мне на корабль — какой-то парень из ваших. Принес статуэтку. Сказал, деньги нужны очень, готов продать почти за бесценок — за двадцать золотых. Деньги у меня были, и я согласился. Купил. Вчера с рассветными сумерками вернулся домой, а ночью ее украли. Знакомый сумеречный маг заметил, что замешаны вор и два наемника. Все не местные. По моей просьбе он проследил за ними. И потом сказал, что убили на северной окраине, и убили тьмой. И еще, говорил, девушка-чужеземка была. С неживой птицей. Или с чем-то непо-

нятным в виде живой птицы, – еще один косой взгляд на Молчуна. – Внешность твою примерную описал, добавил, что тоже из искателей ты, предположил, куда пойдешь, и где тебя можно найти... И всё. Больше ничего не знаю, клянусь ремеслом!

Звучало убедительно. Но...

– А что ж ваш замечательный маг за мной-то не пошел? Что же он вас одного оставил... на растерзание чужеземки с «неживой птицей»?

Его взгляд был красноречивее слов. Испугался сумеречный. Предсказуемо испугался тьмы. И о настоящих возможностях силы мрака давно никто ничего не знает, и легенды о темных магах прошлого пугают до сих пор. Умный парень.

– Это всё?.. – прищурилась я.

– Клянусь Великой!.. – выдохнул торговец.

Я потеряла подбородок, посмотрела на Молчуна и неодобрительно покачала головой:

– Плохо работаешь, дружище, грязно. Почему не замел следы? Лентяй...

Ворон, как обычно, гордо промолчал. Я снова посмотрела на своего собеседника:

– Как выглядел тот парень «из наших», который продал статуэтку?

– Высокий, выше меня. Волосы темные. Лицо смуглое. Глаза – не то серые, не то голубые, шрам над губой, – и, подумав, добавил: – Золотой узел искателя показывал.

– Возраст?..

– Непонятный, – попытался пожать плечами мужчина. – Меня вроде помладше, но точно... Сходу не определить.

Так. Интрига закручивается...

– И – с большим золотым узлом? – уточнила я.

– Точно, Старшее поколение, – послушно закивал допрашиваемый.

Плохо дело. Всего практикующих и свободных искателей Старшего поколения насчиталось пять человек, и я знала их лично, и ни один под описание не подходил. Наставников гильдии из совета Старших в расчет брать не стоит, хотя среди них есть один темноволосый и со шрамом, но он наполовину седой и так стар и болен...

А подделать знак гильдии невозможно. И если, например, алхимик нацепит себе на грудь нашивку искателя, та и сгорит, и алхимика в Вечность унесет. Или за время моего отсутствия появился еще один Старший?.. Вряд ли. Ни один из претендентов не подходил. Среднее поколение я тоже знала хорошо, и самому удачливому еще работать и работать до того, как... И, опять же, он не подходил под описание. Интересно...

– Эй, – осторожно подал голос торговец, – что со мной-то?..

– Да погодите вы, – отмахнулась я. – Молчите и не мешайте.

Тот послушно промолчал. Я встала и прошлась по темно-

му коридору. Очень интересно. И похоже на ловушку. Некто неизвестный со шрамом, видимо, был заинтересован в том, чтобы история с Небесным храмом получила свое продолжение, а я, как главное действующее лицо, непременно в ней поучаствовала. Или же, поддавшись зову пути, я вошла в чужую игру...

Но случайностей на пути искателя нет, есть лишь закономерное стечение обстоятельств. Да, и в каждом случае есть доля судьбоносного совпадения. Кто-то продал неизвестно как добытый из неприступного хранилища артефакт торговцу. Тот привез его именно туда, где спустя день появилась я. И в ночь моего появления вещицу крадут, а после на пути воров оказываюсь, конечно же, я. И, разумеется, не могу пройти мимо. И всё сходится. И некто со шрамом либо совсем меня не знал, либо знал слишком хорошо. Так хорошо, что мне... страшно. Страшно, что будет дальше. А ведь я давно ничего не боюсь, кроме...

Я переглянулась с Молчуном и качнула головой. Не знаю... А чего не знаю – того не знаю. Но разберусь. Хотя бы для того, чтобы посмотреть на шестого Старшего. Из любопытства. Что у них дальше по плану, спрашиваешь?.. Я фыркнула. Наверно, по плану я должна ринуться на поиски башенок, которые исчезли в пропасти и являются ключом к тайне храма. Что ж. Так тому и быть. Значит, снова в путь, на поиски неизвестности. И очень интересно посмотреть, что из этого получится.

Я перевела взгляд на торговца и коротко распорядилась:
– Отпустить.

Ворон недовольно зарычал, но сеть с мужчины снял и привычно переместился на мое плечо. Торговец с нескрываемым облегчением перевел дух и попытался встать, однако я, снова присев рядом на корточки, положила руку на его грудь, придерживая:

– Лежите.

– Зачем? – с подозрением спросил он.

– Память вам почищу, – любезно пояснила я. – Проснетесь невинным младенцем, ничего о себе не помнящим.

– Но я же всё рассказал!.. – возмутился мой собеседник.

– Вот именно. Сегодня – мне, а завтра – любому другому, кто найдет к вам правильный подход. Да еще и интересные подробности дня нынешнего не забудете. Впрочем, у вас есть выбор: смерть или забвение.

– Забвение, – со вздохом согласился торговец. – Только... свою тварь ко мне не подпускай!..

– Снова оскорбите моего друга – и будет смерть, – предупредила я, потирая ладони и разминая пальцы. – Закройте глаза, расслабьтесь и получайте удовольствие. Это не больно.

Про невинного младенца я пошутила, но пускай... побойтся. На всякий случай. Я осторожно провела рукой по ярко-красной, горячей от страха ауре, аккуратно убирая из нее события последней луны. На материк вы, уважаемый, ездили, но никаких искателей и артефактов в глаза не видели, и

никто у вас ничего не крал, и со мной вы не встречались... Торговец крепко уснул, а я села рядом с ним, привалившись к стене. И столь легкое занятие отнимает ту немногую силу, что я старательно копила последние три луны, вытягивая тьму эмоций из людей...

Я отерла пот со лба и, пошатываясь, встала.

– Следы заклятий почисти, – я обернулась к Молчуну. – И на его ауре – тоже. И отнесись к моей просьбе серьезно, а не как обычно. Сейчас мне лишние «хвосты» не нужны. А ты... Если из-за питания от чужой смерти снова кого-нибудь за мной приведешь...

Ворон тихо крикнул и послушно закружил над потолком, а я, поджидая его, от нечего делать, раскинула небольшую поисковую сеть, настроив ее на ауру артефакта. И не прогадала – на потолке призывно засеребрилось пятно указателя. Кивнув своему пернатому спутнику, я прошла по коридору до лестницы и поднялась на третий этаж. Нужная комната обнаружилась сразу же – ею был весь этаж. Напоминает хранилище. Я быстро изучила беспорядочное пыльное нагромождение сундуков и шкафов. Вот оно где...

На дне большого сундука, под тугими рулонами ткани, обнаружился небольшой ларец, который я поспешно открыла. И невольно вздрогнула. Башенка Первой с крыши Небесного храма... Я узнаю ее и спустя сотню сезонов – тонкое хрустальное основание, прозрачный круглый купол с единственным острым навершием... Ах, торговец – мерзавец... Впро-

чем, он же не знал... наверное. Но по его памяти всё же прой-
дусь.

Башенка перекочевала в мой поясной карман, и я развер-
нула лежащий на дне ларца бумажный лист. И тихо помяну-
ла тьму. Грифелем на помятом листе кто-то нацарапал тот
же рисунок, что утром изобразила я, а под ним незнакомым
кривым почерком подписал два важных слова – «круг неиз-
вестных».

Я выдохнула. Так я и думала... Круг, конечно же, круг...
Девять элементов, соединенных меж собой солнечными ис-
корками, тайна, покрытая пылью эпох... Всё-таки круг дол-
жен быть замкнут, а равновесие стихийных сил – соблюдено.
А для этого нужно вернуть в мир силу мрака. А для этого
нужно... найти Девятого. Или он должен найтись – вернуть-
ся и... И сделать свое дело – то, для чего его создали: при-
нести в мир силу тьмы, дать нам знания о ней и научить ра-
ботать с ней... правильно.

Улыбнувшись, я осторожно расправила смятый лист. А
собранные воедино артефакты, вероятно, приведут меня к
величайшему открытию со времен нахождения первых хра-
мов – к причине, по которой круг стихийной силы до сих
пор не замкнут. И к доказательствам его «незамкнутости».
И, возможно, объяснит, куда из мира исчезла сила тьмы.

Да, и неудивительно, что тайна обратилась именно ко мне:
я – единственный искатель с темным даром. Тьма – мое про-
клятье и давняя боль. И я буду носом землю рыть, работать,

как никогда прежде, заберусь туда, куда никто не рискнет сунуться... И я найду ответы. Терять мне нечего, зато приобрести можно... многое.

Я встала, спрятала записку в поясной карман и спустилась вниз, уже зная и о том, что Молчун всё закончил, и о том, что из памяти торговца ничего полезного извлечь не удастся. Проверив догадку, я покачала головой. Так и есть. Над ним уже основательно поработали, оставив в памяти только то, что нужно. И следы умело подметены – ни одного остаточного «хвоста» от ауры, ни единой зацепки... Подменять события в памяти жертвы не могли даже Старшие поколения магов, значит, некто со шрамом существовал, но, возможно, его настоящую внешность спрятала маска фантома. А кто за ней скрывается... Да кто угодно.

Устало ссутулившись, я покинула дом торговца и направилась на постоялый двор. Пора спать. После подумаю.

Я лежала в постели, закинув руки за голову и бездумно разглядывая плывущие по бледно-голубому потолку расцветные облака. Выюга за окном бушевала второй день, и второй день я бродила по комнате, рисовала схемы, размышляла...

Испокон эпох путь искателя складывался из трех примет – это ожидание мира, бесконечность под ногами и предчувствие Вечности. Ожидание мира трактовалось как то, что каждая тайна ждет своего искателя. Бесконечность под но-

гами – связанный с разгадкой немалый риск. А предчувствие Вечности – расплата за недогадливость, нерасторопность или неуклюжесть, то есть смерть.

И сейчас я имела именно ожидание мира – во всей его красе и непреодолимости. Тайна Небесного храма изначально была моей и только моей. Я о нем узнала, я доказала его существование и нашла его... И только от меня мир ждал следующих действий, убрав с моего пути лишних людей, ведь Джаль... мешал. С точки зрения бездушного мира... он мне мешал – тормозил своим благоразумием, не отпускал одну в опасные походы и всегда бы рядом, чтобы... остановить.

А теперь...

Джалья больше нет, и ожидание мира вновь повело на покинутый путь, чтобы завершить начатое. Прежде я сопротивлялась ему изо всех сил, но... устала. Устала даже не бороться – устала бояться расплаты. И устала от бесцельности своего существования. А цель у меня, как и у любого искателя, всегда одна – новые вопросы и поиски ответов. Цель работы – и цель жизни.

Я со вздохом перевернулась на бок, посмотрела на запорошенное снегом окно и... вспомнила. Всё вспомнила. Славное было время... Я любила поиски, обожала тайны и загадки, рвалась к новым знаниям и открытиям... И жизнь неслась вперед сломя голову, обгоняя время, и казалась яркой, пестрой, наполненной светом и незабываемыми приключе-

ниями... Какой она стала сейчас? Бесцветно-серой, скучно-тусклой, вяло-тягучей и лениво отмеряющей прожитые дни горьким ощущением одиночества. И я боялась вернуться в прежнюю жизнь, и мечтала о ней каждую ночь...

Перевернувшись на живот, я обняла подушку и вздохнула. Как же мне не хватало... всего. Всего. И замолчала скребущаяся в окно выюга, и забылся гуляющий по комнате сквозняк, и померк свет потолка, сменившись болезненно-живыми картинами прошлого. Закрыв глаза, я вспоминала, ломая внутренние запреты и проваливаясь в омут памяти, вспоминала, теряя ощущение пространства и времени, вспоминала, как...

...как я появилась в гильдии искателей, не имея и медяка за душой. Как меня приняли, удивляясь сильному дару. Как училась, впитывая каждое слово наставников и до глубокой ночи просиживая за летописями. Как защитила звание ученика и перешла в практиканты – в «хвостики», оказавшись в одной группе с Джалем. И с тех пор мы уже не расставались.

...как добывала тридцать бронзовых узелков, дающих право на первую нашивку с большим бронзовым узлом и на вступление в Младшее поколение искателей. Как пахала на гильдию, собирая тридцать маленьких серебряных узелков, и весело обмывала переход в Среднее поколение искателей – с возможностью самостоятельно организовывать поиски, набирать людей из Младших и искать не то, что требуют из Совета, а то, что хочет душа... И с каким трудом добыва-

ла золотые узелки, чтобы стать одним из немногих представителей Старшего поколения. Стать – и сойти с пути, когда весь мир лежал у моих ног...

Нашивка искателя на внутренней стороне воротника жгла кожу раскаленным железом. Одна за другой прошло пять Пыльных лун с тех пор, как я спрятала ее от любопытных глаз, но сама от себя спрятаться, увы, не смогла... Как и не смогла себя обмануть. Как и не смогла ничего забыть. И почему люди не умеют *забывать*?.. Так, чтобы избавиться от болезненных воспоминаний раз и навсегда?.. Почему время лечит не всегда и не всех?.. Как же живо я помню каждое мгновение прошлого, мрак его побери...

Ворон, привычно восседавший на спинке стула, тихо хрюкнул. Я со вздохом вернулась в реальный мир. Тебя не спросили... И, откинув одеяло, встала и побродила по комнате, привычно загоняя воспоминания подальше, в самый темный уголок сознания. Слишком много дел накопилось, да и раскисать некогда и незачем. Я тряхнула головой и посмотрела в зеркало, откуда на меня недовольно покосилось малознакомое, бледное и большеглазое создание со встре-панными после сна темными волосами.

Я нахмурилась. Ну вот. Опять. После Небесного храма прошло достаточно времени, но порой я не узнаю ту себя, что смотрит из зеркальных глубин. А это никуда не годится. На лице – одни усталые и несчастные зеленые глазищи... Хватит. Я подошла к окну и решительно его распахнула. И

задохнулась, втянув носом ледяной воздух.

Взъерошивая беспорядочно рассыпавшиеся по плечам волосы, пробираясь под рубаху, обжигая лицо, снежный ветер шептал о своем, но я ничего не слышала. И ничего не хотела слышать. И, замерзнув, закрыла окно, потеряла плечи и нацепила на лицо привычную маску усталой рассеянности. Покосилась на зеркальное отражение и кивнула. Так-то лучше... Пора возвращаться от себя прежней к себе нынешней.

А память – Вечности...

Я снова села на постель, обложившись схемами и для вдохновения положив на видное место артефакты храма, и погрузилась в раздумья. Если тайный почитатель моего дара надеялся, что я немедленно ринусь на поиски, то он глубоко ошибался. Во-первых, я не любила холодную Снежную луну и решила дожидаться следующего сезона Пыльной луны. Во-вторых, я давно привыкла работать сама по себе, а не потакать чужим желаниям. Да и задачка оказалась нелегкой, требующей времени и осмотрительности, а я редко действовала необдуманно. Особенно с тех пор, как сошла с прежнего пути.

От размышлений отвлекло настойчивое сопение Молчуна.

– Ужинать?... – я рассеянно дочерчивала очередную схему. – Уже?... – и посмотрела в окно.

Закатные сумерки подкрались неожиданно – казалось, мгновение назад сияло солнце...

– Сейчас, – я дорисовала последний символ и изучила набросок. – Проверю кое-что, и пойдем... Смотри, Молчун. Что ты об этом думаешь?

Ворон, перебравшись на мое плечо, внимательно изучил схему и вопросительно мяукнул.

– Ну, – я задумчиво потерла щеку, – больше мне в голову ничего не пришло. Да, конечно, башенка Первой оказалась здесь... но остальные река наверняка разнесла по миру. А артефакты Великой всегда возвращаются к источникам силы. И самые мощные источники, если мне не изменяет память, находятся здесь, – и я кивнула на испещренную точками и крестиками карту. – Спорим, что остальные башенки я найду на материке Второго, архипелагах и островах? Почему-почему... Потому что на материке Великой источников силы почти нет. А на материке Первой самые сильные источники – источники света, а сумеречных – по пальцам пересчитать.

Молчун ворчливо чирикнул.

– Да, но торговец-то прибыл с материка Первой, – торжествуя возразила я. – То есть и башенка Первой до недавнего времени находилась там, верно? Вот именно, – и указала на схему карты, – это примерное их местонахождение. Ты ведь не застал то время, когда я собирала по всему миру источники? Точно, не застал. А я успела достаточно с ними повозиться, чтобы понять их сущность. И знаю, с какой периодичностью и где именно они возникают, когда выходят

на пик силы и когда иссякают. И отмеченные на карте источники – именно те, что находятся сейчас на пике. Не веришь? Предлагаешь проверить?

Моя рука инстинктивно нащупала под рубахой узкую пластинку теплого сизого камешка на тонком шнуре. Усилитель дара я использовала крайне редко – он питается от носителя, и питается очень долго. В последний раз я пользовалась им, будучи искателем Младшего поколения, когда в горах попала в сильнейшую магическую бурю, предварявшую фазу Вечности, и возвращалась в лагерь вслепую. И как нашла, понимаю смутно. Зато помню, как Джаль в первый и последний раз в жизни на меня наорал, ругая мою беспечность и глупую привычку бродить в одиночку по незнакомой местности. А от последующих его извинений за резкость до сих пор мурашки по коже...

Усилитель дара соскользнул с моей шеи в ладонь, и я внимательно всмотрелась в его сизые глубины. Чем меньше в нем энергии, тем он светлее, но сейчас, судя по насыщенному оттенку, он готов к употреблению.

– Молчун, колпак, – скомандовала я.

Ворон послушно раскинул надо мной сеть тьмы, заглушающую малейшие проявления магии, а я, приготовив нарисованную карту и грифель, начертила на полу символ объемного поиска, добавив в набор черточек набросок ауры Небесного храма, и положила рядом усилитель дара. И – яркая вспышка, и голова кругом, а весь мир – как на ладони... Рва-

ные лоскуты заметенных снегом материков, ожерелья архипелагов, точки скрытых туманной дымкой островов... и отчетливые красные пятна найденных башенок.

Усилитель погас на счете «десять», потушив видение, но мне хватило кратких мгновений объемного поиска, чтобы убедиться в собственной правоте. Я моргнула, возвращаясь в комнату, дополнила свою карту и подмигнула Молчуну:

– Ну, что я говорила? А ты мне, как всегда, не поверил, – быстро стерев символ, я надела на шею усилитель дара, сладко потянулась и мечтательно улыбнулась: – Представляешь, какое открытие нас ждет? Одна из тайн Девяти плюс новые источники силы!.. Мне уже нравится! А тебе?

Мой спутник, сидевший на спинке стула, повел крылом и задумчиво крякнул.

– И то верно, – я усмехнулась. – Дело делом, но перекусить не помешает. Пошли есть, обжора.

После ужина потянуло на прогулку. Закутавшись в плащ, я долго бродила по узким темным улочкам, скудно освещенным зеленоватым сиянием факелов, шепотом препиралась с Молчуном и обдумывала первую цель. Башенка Седьмого находилась рядом, но отправляться в путь я не спешила – не люблю рвать цепь поиска. Найдя одну, ринусь искать другую, и меня понесет.

– Что останавливает? – я покосилась на ворона. – Сам знаешь, что... Как тебе не стыдно! Я никогда не была ленивой,

не наговаривай... Но раз я вернулась на путь, значит, скоро очередной приступ, и, не приведи Вечность, он застанет меня в дороге... Лучше переждать его в спокойном месте. Да и до наступления Пыльной луны – и тепла, заметь! – рукой подать.

Мой пернатый спутник сочувственно чирикнул. Я грустно улыбнулась:

– Нет, не пропустит приступ... Ты же помнишь, как это происходит... И скоро произойдет. Откуда-откуда... Знаю. Чувствую.

Остановившись, я с интересом посмотрела на очередное проявление больной фантазии эпохи Рассвета. Причудливое двухэтажное «облако» напоминало сидящего упитанного кота: плоская крыша с двумя острыми декоративными башенками – «ушами», узкий балкон-«нос», над которым загадочно мерцали два зеленовато-желтых факела, второй этаж на пару комнат меньше первого. Я приблизилась. Низкое крыльцо «лапками», от которого отходили две причудливо изогнутые колонны, поддерживая расположенную под балконом вывеску: «Алхимик. Зелья и талисманы».

Я переглянулась с Молчуном:

– Зайдем? Заодно куплю кое-что для похода.

Ворон неодобрительно покачал головой. Я фыркнула:

– Не так уж и поздно, – и решительно взбежала на крыльцо, постучавшись.

– Прошу-прошу! – пригласил хриловатый голос.

Я с трудом распахнула тяжелую дверь, зашла в дом и с любопытством осмотрелась. Уютно овальное, просторное помещение лавки было сплошь уставлено высокими шкафами, и на их полках поблескивали многочисленные колбы, сферы, банки и коробки, выгодно освещенные крошечными разноцветными факелами.

– Что желаете приобрести?

Я обернулась. Невысокий старичок с пронизательным взором светло-карих глаз и длинной седой бородой, по-домашнему одетый в просторный темный халат до пят и поношенные тапочки, изучал нас с повышенным интересом, очевидно оценивая платежеспособность.

– Симпатичная птичка, – одобрил алхимик ворона, прежде чем я успела поздороваться. – Сама приручала?

– Допустим, – ответила осторожно.

– Понятно, – хозяин дома перевел взгляд на меня.

Судя по подозрительному взгляду, моя платежеспособность внушала алхимику опасения. Я внутренне согласилась с его мнением, решив завтра же посетить лавку портного. Может, случайные прохожие перестанут провожать меня странными взглядами... Заодно и к сапожнику зайду.

– Так что желаем приобрести, деточка? – затараторил алхимик. – Брат мой, артефактолог, дельные вещи творит, да и я, знаете ли, по зельям силен – Старшее поколение! Итак?.. Приворотные зелья али удачи амулеты, для любви и счастья? Иль еще что-нибудь... интересное? – и он хитро мне под-

мигнул. – Или же...

Ворон неприлично фыркнул, спрятал голову под крыло и подавился каркающим смехом. Я тихо хмыкнула. Никогда амулетами не пользовалась и талисманы не носила. Про приворотные зелья вообще молчу. На все случаи жизни у меня был мой пернатый друг. Исключение – только усилитель дара, и то по очень большой нужде.

– ...индивидуально могу сделать, по желанию, – продолжал вещать мой собеседник, важно поглаживая бороду.

– Нет, благодарю, я знаю свои нужды, – перебила вежливо.

– Слушаю, деточка, – довольно прищурился он.

– Я вам, уважаемый, не деточка, а искатель Старшего поколения, – сдержанно ответила я и, расстегнув ворот плаща, показала нашивку. Терпеть не могу, когда со мной сюсюкают... и ведутся на хрупкую внешность, упуская очевидные вещи.

Алхимик удивленно моргнул.

– ...и мне нужно десять зелий перехода на дальние расстояния, по столько же бутылей зелий лечения и восстановления и... Пара сфер спящего огня, пожалуй.

– Дело есть дело, – уважительно отозвался алхимик.

– И ваш совет по поводу портного, желательно – с магическим даром, – добавила я.

Мой собеседник зачем-то огляделся, помялся и тихо пробормотал:

– Есть в городе один такой, то есть такая... Только не свя-

зывалась бы ты с ней, коли жизнь дорога.

– Неужели? – мне стало интересно.

– Дурная она, – неохотно пояснил хозяин дома. – И с проклятьем, как говорят... Никто без большой нужды не идет к ней, хотя вещи она шьет сильные, ноские, и иную рубаху так заговорить может, что и кинжал не возьмет – отскочит... Да и пояса и сумы удобные и вместительные творить умеет, – он запнулся. – Но проклятье на ней сильное, древнее, темное... Все наши стороной ее обходят, коли встретят, да рассказывают после об облике ее зверином и кровожадном...

– Где живет? – я насторожилась.

– Здесь, недалече, – алхимик махнул рукой в неопределенном направлении. – По улице вниз и налево. Но не ходила бы ты к ней, деточка...

– Я вам, уважаемый, не деточка, а темный маг Старшего поколения, – усмехнулась я, показывая нашивку и предчувствуя реакцию.

Однако возвращение на искательский путь действует на меня не лучшим образом – я начинаю... шалить. И шалить недальновидно.

Старичок невольно попятился.

– Забери меня Вечность...

– Не зовите *ее*, если пока *туда* не собираетесь, – мягко заметила я, – она сама найдет вас, когда придет время.

– Сейчас заказ соберу!.. – и его как ветром сдуло.

Мы с Молчуном переглянулись и дружно ухмыльнулись.

Четыре эпохи прошло после войны, темные без силы рождаются – а их по-прежнему бояться... Даже странно. Я считаюсь темным магом, но при случае и проклясть-то никого не смогу, если не успею подкопить силу... И хорошо, что об этом мало кому известно. А кому известно – те не верят, видимо, считая, что мы залегли на дно, боясь растерять уцелевшие после эпохи Войны осколки знаний.

Алхимик, гремя склянками, вернулся на удивление быстро, вручил мне пухлый пакет и наотрез отказался от денег, которые я с мягкими угрозами всё же всучила. Сильный дар должен оплачиваться соответственно. И, попрощавшись, покинула лавку, отправившись на поиски местной проклятой.

Столько лун поблекло, столько эпох прошло, а люди по-прежнему страдают от происков людей, давно ушедших в Вечность... Что, впрочем, объяснимо. Древние темные славились крутым нравом, несдержанностью, непомерным самомнением и наплевательским отношением ко всем, кроме себе подобных. Да и меж собой, поговаривают, грызлись жутко.

У крыльца я задержалась, убирая в сумку покупки и подсчитывая деньги. Признаюсь, не удержалась и пару кошель с золотом у торговца увела. Исключительно на нужды общества и благо истории. И сумма – как раз впритык, если собираться в дальний поход. Нет у искателей ничего более постоянного, чем временное отсутствие денег. А с торговца не убудет. Он даже не заметит пропажи. Вернее, не вспомнит

точное количество наличности.

Перекинув сумку через плечо и сориентировавшись, я побрела в указанном направлении, привычно раскинула поисковую сеть и... ничего не нашла.

– Не чувствуешь ее? – остановившись у старого, обшарпанного одноэтажного «облака», спросила я.

Молчун съезжился и спрятал голову под крыло. Я нахмурилась. Плохо дело. Проклятье темного теоретически существует, но если мы его не ощущаем... То либо алхимик с перепуга наплел чушь, либо...

– Вы не ко мне, случайно?..

Тихий, робкий, испуганный девичий голосок... Я стремительно обернулась, напрягая зрение. И невольно попятилась от расплывающегося в тумане силуэта. Похоже на горбатого волка... Но – здесь?.. Тьма меня побери, кому же под силу создать столь мощный морок?..

Я моргнула и прищурилась, силой воли перебарывая страх и... наваждение. И *увидела*. На низком крыльце, закутавшись в короткий старенький плащ, стояла невысокая девушка. Бледное лицо, темно-синие глаза, затравленный взор, тонкие светлые косы, выскальзывающие из-под капюшона... Я покачала головой. Ворон, на мгновение высунувшись из-под крыла, поддакивая, хрюкнул. Теперь невольно попятилась уже незнакомка.

– Вы... кто?.. – и прижалась спиной к покосившейся двери.

Подступающая выюга взметнула из-под наших ног снежные хлопья. Я молчала и не сводила глаз с проклятой, а она лихорадочно искала за своей спиной дверную ручку, то пропадая, то возвращаясь невесомым полупрозрачным силуэтом. Фантом туманных сумерек, вышедший из-под контроля мага? Серьезный случай...

– Тьма... – я тихо озвучила наши с Молчуном общие мысли.

Незнакомка вздрогнула и слилась с дверью. Я тряхнула головой, вновь прогоняя наваждение. Нет, никуда она не исчезла. По-прежнему стоит на крыльце и дрожит от страха. Но я, преодолевая проклятье тьмы, вижу ее *настоящую*, а остальным мрак знает, что мерещится. Ворон, например, испуганно узрел черного барса – древнее существо эпохи Изначальности, давно ушедшее в Вечность, как и привидевшийся мне горбатый волк...

Девушка наконец нащупала дверную ручку и попыталась скрыться в доме, но я ее опередила:

– Подожди! – и взлетела на крыльцо. – Не убегай! Я... могу помочь, – и торопливо расстегнула ворот плаща, показывая нашивку темного мага. – Я работаю с мраком... и с его проклятьями. Позволь понять, в чем дело... Не убегай. Не наврежу.

Судорожный вздох, испуганный и недоверчивый взор необычных глаз – и огненно-красная от страха аура с четкой, сизо-черной паутиной проклятья.

Кому же ты так не угодила?..

Обстановка в доме мало отличалась от его внешнего вида. Одна просторная комната без четких углов, обшарпанная и скудно обставленная старыми и самыми необходимыми предметами мебели.

В дальнем от двери «углу», рядом с тлеющим очагом, – небольшая кровать, в противоположном ему – низкий шкаф, круглый столик и три стула. Ближе к двери, у неровного провала окна, – мастерская, отгороженная самодельной занавесью, которая скрывала стол, стул и прилаженные к стене полки с аккуратно разложенными материалами. С другой стороны – также скрытые лоскутной занавесью – рукомойник и небольшая бадья.

Но, несмотря на бедность, дом был чистым и уютным. облупившуюся на стенах краску заменяли лоскутные картины, пол украшали разноцветные половички, стол застелен светлой скатертью, окна занавешены изучающими ровный, неяркий свет шторками, на которых хозяйка вышила рассветные горы. А еще лоскутные картины и половички заменяли обитательницам свечи и отсутствующие дрова в очаге. И тепло, и достаточно светло.

При нашем появлении из-под одеяла выглянула любопытная мордочка крохотной девчушки. Вытирая ноги о половичок, я ласково улыбнулась в ответ на сонный взгляд:

– Доброй ночи, солнышко.

– Поздоровайся с нашими гостями, дочь, – тихо добавила хозяйка дома.

Девочка завернулась в одеяло, послушно слезла с кровати и неловко подковыляла ко мне. Маленький молчаливый дикий зверек с несмываемым пятном проклятья на желтой от настороженности ауре... и перечеркнутой Вечностью жизнью. Из-под седой челки на меня внимательно смотрели голубые глаза, но видел лишь один. Древнее проклятье разделило худенькое тело на две половины, одна из которых принадлежала жизни, а вторая – смерти. И живая – чувствовала, слышала, осязала, видела и постигала, а мертвая – смотрела тусклой пустотой, висела бесполезной плетью.

Я разулась, подошла к девочке и присела на корточки:

– Как тебя зовут, милая?

Молчание. Лишь затравленное удивление на живой половине бледного личика.

– Эрейя, – тихо ответила за дочь ее мать. И, помедлив, тихо добавила: – А меня – Таит.

– Эрейя? – я улыбнулась. – Первая капель?

– Она родилась на исходе сезона Снежной луны, – смущенно объяснила Таит.

– Рейсан, – представилась я и кивнула на ворона, – Молчун.

Ворон гордо расправил крылья, распушил хвост и, заработав мой многозначительный взгляд, глухо каркнул. Я одобрительно улыбнулась, сняла плащ, повесив его на крючок у

двери, разулась, надев теплые тапочки, и отправилась за занавеску помыть руки. Таит тем временем сутилась по хозяйству, и, когда я села напротив нее, на столе уже стояли горячий чайник, кружки и плетеная корзинка с домашним печеньем. Мне стало неудобно. И объедать – некрасиво, и отказываться – непорядочно...

– Угощайся, – Таит обняла дочь, которая, не сводя с меня внимательного взора, свернулась уютным клубком на коленях матери.

Ладно, перед уходом подсуну под скатерть деньги... Я неспешно пила травяной чай и внимательно слушала невеселую историю маленькой семьи. Таит рассказывала спокойно, отстраненно, и в ее голосе отсутствовали злость, ненависть или ярость. Слышались лишь горькая усталость и покорность судьбе.

– Это семейная легенда, которую мне рассказала мама, прежде чем уйти в Вечность... В эпоху Девятого в нашей семье родились две девочки-близняшки, и старшая выбрала путь темного мага, а младшая – путь артефактолога, к роду которой мы с Эри и принадлежим. Темных магов, говорят, боялись уже тогда, и вскоре пути сестер разошлись, а после замужества младшей между ними встала еще и ненависть. Старшая стремилась передать свои знания потомкам, но Вечность отняла у нее возможность быть матерью. И сначала она, смирившись, ждала, когда же темный родится у ее сестры. Но проходило время, а внуки и правнуки рождались

или со светлой и сумеречной магией, или с ремеслом. И перед смертью она прокляла весь наш род.

Я молча смотрела в чашку и слушала очень внимательно, хотя легенды о древних темных и проклятых ими людях порой похожи, как две капли воды – и целями, и причинами, и мотивами, и последствиями.

– И с тех пор в семье рождается лишь одна девочка без магических способностей, и в жизни ее преследуют несчастья. Моя прабабка не выносила света. Бабка случайным словом накликала страшные несчастья. Мама, говоря хорошее, против воли оскорбляла окружающих, стремясь помочь – приносила вред, а я... А меня мало кто видит человеком, чаще – в облике монстра. А Эри... – и голос Таит сорвался. – Что с ней – я не понимаю...

– Всё просто, – я вертела в руках кружку и сосредоточенно изучала плавающие в воде крупички травы. – Твоя родственница не могла иметь детей из-за физиологии темных магов. Нам этого природой не дано. Так было в эпоху Девятого, и так есть и сейчас. Проклятье пало не на род, а на ненавистную силу сумерек или света, с которой вы рождались, но которая оборачивалась против вас, – я подняла глаза на Таит: – В тебе есть сила туманных сумерек, отсюда и окутывающий ауру обманный туман. Который преодолим либо для темно-го – ведь иначе у тебя не было бы дочери, либо, – и пронизательно посмотрела на зардевшуюся девушку, – для сильного сумеречного мага, но ненадолго. А в Эри очень много

света, – я невольно улыбнулась девочке.

– Света?.. – тихо переспросила моя собеседница.

Я кивнула:

– И подозреваю, что проклятье направлено именно против света – тьма и свет всегда были на ножах. Вы, сумеречные, кое-как с ним справлялись, а вот свет бы проклятье наверняка убило... если бы не было столь старым. За давностью эпох оно истерлось, потеряло прежнюю силу, поэтому твоя дочь жива.

– Да разве ж это жизнь?.. – с горечью спросила Таит.

Я поставила на стол кружку и серьезно посмотрела на нее:

– Конечно. И если бы не ее ярчайший свет, она бы не вышла вообще. У Эри дар мага света уровня Старшего поколения.

Повисло молчание. Таит обдумывала услышанное, девочка рассматривала меня с настороженным вниманием, я вернулась к чаю, а Молчун дремал на спинке стула, изредка приоткрывая один глаз и бдительно за нами наблюдая. И я почти допила чай, когда Таит тихо напомнила о том, о чем я боялась услышать:

– Ты говорила, что можешь помочь...

Я тяжело вздохнула и призналась:

– Тебе – да, но твоей дочери... не уверена. Таит, мы уже давно не те, что прежде, – в нас нет силы. Тьма, да мы слабее иных ремесленников...

Увидеть в синих глазах отчаяние оказалось неожиданно...

больно. И я вновь пожалела, что во мне нет настоящей силы. Да, есть знания, накопленные поколениями темных. Но не сила. Не та, что властвовала в эпоху Девятого. И даже не та, что была до него. Не сила. Насмешка судьбы. Плевок в лицо. Жалкие крохи прежнего могущества.

– И что же нам делать?

– Твое проклятье я сниму полностью, это нетрудно. И тебя снова начнут принимать за обычного человека, и дети у тебя еще будут, и дети магически сильные, без пятен проклятья, – я задержала взгляд на Эри, обдумывая одну безумную мысль, и попросила: – А покажи-ка ладошки.

Девочка неловко закатала длинные рукава серого платья и показала ладони. Проклятье в неживой половине убивало только чувствительность, и владеть своим телом она более или менее могла, что внушало определенную надежду... Но цена казалась непомерно высокой. Да, один вариант помощи существовал. Наклонившись через стол, я мельком взглянула на руки Эри и кивнула. Так и есть. Я снова не ошиблась. К сожалению.

– Чистые руки. Человек без судьбы, – я старалась не встречаться взглядом с Таит. – У твоей дочери есть смутное прошлое, но нет будущего, как нет и судьбы. Не удивляйся, такое не редкость в наше время. Или дар есть, но доступ к нему отрезан, или даже дара нет. Многие люди рождаются с чистыми руками – без путеводных линий, чтобы после прославиться и войти в легенды... И, поверь, с этим можно жить...

Хоть как-то, но жить...

Я и сама понимала, что несу чушь, и видела это в укоризненном взгляде хозяйки дома. Я неловко отвернулась и прислушалась к бушующей на улице метели. Ветер рвал и метал, завывая раненым зверем, стучась в окна, топочась на крыльце дома, пробегая по хлипкой крыше. Похоже, на постоянный двор я попаду ой как нескоро...

– Ладно, что уж, – Таит со вздохом встала и подхватила на руки дочь. – Нам спать пора... Останешься? Оставайся, не спорь. Правда, у нас только одна кровать...

– Я могу поспать и на полу, – заметила мягко. – Я – искатель и привыкла спать, где придется. Походы не терпят изнеженных, и на голой земле приходилось спать, и на камнях... Мне достаточно одеяла.

Кивнув, Таит уложила Эри спать и быстро соорудила на полу уютный лежак из одеял. И внимательно-тревожно посмотрела мне в глаза:

– Правда ничего нельзя сделать?..

– Подумаю, – кратко ответила я, сев на лежак. – Иного пообещать не могу... извини.

Таит кивнула и отвернулась, убирая со стола. Глянув на ее ссутуленные плечи, я помянула тьму, закуталась в одеяло и отвернулась к стене. Человек без судьбы – это кладезь скрытых возможностей... и проклятое Вечностью существо. Обычно таких, как Эри, сразу после рождения относили к храму Вечности и оставляли там, на попечение других людей

без судьбы. Но малышка проклята еще и темным магом, и вряд ли ее приняли в храме... или мать не смогла расстаться с дочерью. Бедное создание... Несчастные девчонки...

И, погружаясь в усталую дрему, я думала. О том, как многолики и коварны проклятья Вечности, и где они только не настигают зазевавшихся... Заблудившаяся после смерти душа, слишком долго пробывшая в Вечности, рождаясь, становится человеком без судьбы. И искатель, забывший об осторожности, сунувшись туда, куда не следует, и чудом выжив, очнувшись, обнаруживает, что его путь проклят, а использование любого заклятья чревато предсмертными приступами.

Да, дороги судьбы опасны и непредсказуемы, особенно когда они касаются встреч с Вечностью... или с новыми людьми.

...Я осторожно пробиралась по темному коридору. Свет от факелов, дрожа под порывами сквозняка, гонял по стенам коридора толпу теней, и я вздрагивала, оглядываясь. Днем, в учебное время, путь в хранилище знаний открыт всем желающим – было бы, собственно, желание, но вот выносить оттуда ничего важного нельзя. А мне мучительно не хватало именно профильно-искательских знаний: я решила досрочно закончить обучение в своем звене и перевестись к ребятам постарше. И с приходом темных сумерек, когда наставники, зевая, разбредались по постелям, я, нарушая все режимы и запреты, пробиралась в хранилище и сидела за свит-

ками. В учебной ступени гильдии я появилась поздно, но терпеть косые взгляды ребят, будучи на три-четыре луны их старше, долго не собиралась. И выход нашла только один – ночные набеги на хранилище.

Позади раздалось громкое эхо крадущихся шагов. Я поморщилась. Топают, как сизый полосатик, странно, что его еще не слышали... если только это не наставник, замученный бессонницей. Вжаться в стену, прикрыться облаком тьмы, затаить дыхание... и разочарованно перевести дух. Нет, не наставник. Ученик. Из среднего звена, судя по всему. Да, он один такой на всю ступень – высокий, нескладный, рыжий и веснушчатый парень с солнышком в сердце и светлыми, лучистыми глазами. Правда, как его зовут – не помню, он меня старше и по звену, и по возрасту...

Парень протопал мимо меня, ничего не заметив, но далеко уйти не успел. И на сей раз нас обоих спугнул заскучавший наставник. Тяжелые и уверенные шаги, раздавшиеся из-за поворота, заставили парня испуганно вжаться в стену. А ведь обязательно попадетсЯ, если заметят (а только слепой его не увидит), и с треском вылетит из ступени за нарушение правил... Я вздохнула, решаясь, и, протянув руку, ухватила парня за плечо. Тот от неожиданности резво подпрыгнул и громко ахнул.

– Кто здесь? – над нами грозно взметнулось пламя факелов. – Увижу – исключу!

– Молчи!.. – прошипела я.

И, подобравшись к парню вплотную, прижала его к стене, прикрывая тьмой. Он оторопело замер, провожая удивленным взглядом прошедшего мимо наставника. Последний, кстати, попался очень вредный. Несколько раз пробежал по коридору взад-вперед, останавливался напротив нас и подозрительно разглядывал клубящуюся тьму, но, так ничего и не найдя, в конце концов удалился восвояси, а мы дружно перевели дух.

Отойдя в сторону, я сбросила с плеч облако тьмы и обернулась. Парень не сводил с меня внимательно-изумленного взгляда, очевидно рассчитывая на объяснения.

– Рейсан, – неохотно представилась я и после заминки тихо добавила: – темный маг Младшего поколения и будущий, надеюсь, искатель.

– Джалиф... Можно просто Джаль, – отозвался мой собеседник и светло улыбнулся: – просто будущий, надеюсь, искатель... Ты из младшего звена, да? В хранилище идешь, чтобы на экзаменах через звено перепрыгнуть?

– Угадал, – кивнула я.

– Тогда пошли, – Джаль воровато огляделся, – вместе не так страшно... И, если хочешь, покажу, что нужно учить для сдачи экзаменов.

– Спрашиваешь!.. – обрадовалась я.

Да, глупо отказываться от помощи... И именно совместные набеги на хранилище стали началом той дружбы, которой, как я наивно полагала, не будет ни конца, ни края. И –

той любви, без которой я не представляла жизни.

Я проснулась от щемящего одиночества. Слишком часто Джаль мне снится, а это не к добру... А ведь и времени прошло немало, и раны на сердце зажили и зарубцевались, изредка ноя лишь в непогоду... Я со вздохом уткнулась лицом в подушку и пообещала себе навестить храм Вечности и отпустить Джалья – раз и навсегда. Может, тогда уйдут и кошмары, с ним связанные... Или жизни я больше не увижу. Что делать, когда уходит в Вечность близкий человек, с которым была крепко связана вся жизнь?... Каждый раз бороться с собой, чтобы выжить?... Пожалуй, после Небесного храма именно это и стало смыслом моего существования...

Потянувшись, я встала, подошла к окну и отдернула занавеску. Мрак не спешил рассеиваться, уступая место близкому утру, а значит, не за горами фаза Вечности и окончание сезона Снежной луны. Я невольно поежилась. Испокон эпох фаза Вечности была границей между тремя долгими сезонами – Снежной луны, Пыльной луны и Дождливой луны. И на ее короткое время (два-три дня) мир окутывала первозданная тьма, и бушевали стихии, и на небосклоне появлялись сразу две луны, чтобы потом осталась только одна, отмечающая начало следующего сезона. И скоро в мир вернется тепло Пыльной луны, и – в путь...

Я опустила занавеску и потерла плечи. Неприятно покалывающее, зябкое ощущение холода под кожей заставило

вздоргнуть. Я отерла внезапно вспотевший лоб. Скоро приступ, его заberi Вечность... Едва заметно задрожали руки, когда колючие лапки холода пробежались вдоль позвоночника, от поясницы к шее, и потемнело в глазах. Я на ощупь добралась до лежака, села, обняв колени и уткнувшись в них лицом, и надолго потеряла ощущение времени. И в чувство меня привел лишь Молчун, сменивший облик и черной кошкой скользнувший на лежак. Я вымученно улыбнулась, заметив в янтарных глазах беспокойство, и успокаивающе погладила своего спутника по мягкой шерстке.

– Я справлюсь, – и показалось, что мой сиплый голос прозвучал убедительно. – Я обязательно справлюсь, ты же знаешь... И снова вернусь, как всегда возвращалась.

Молчун красноречиво вздохнул и покосился на кровать, где спали обитательницы дома. Я спохватилась и усилием воли подавила дрожь в конечностях. Осталось одно дело, которое нужно закончить до того, как... Пока есть возможность. Мало ли. Кто знает, чем закончится приступ...

– Хорошо, что напомнил.

Встав, я неслышно подошла к кровати и присела на ее край. Таит крепко спала, повернувшись ко мне спиной и обняв сопящую Эри. Меня вновь кольнуло ощущение собственной бесполезности. Снять проклятье с Таит – дело нескольких мгновений... Я осторожно провела рукой по ее ауре, нащупывая и впитывая в себя разрозненные клочки тьмы, отчего девушка тихо заворочалась и застонала, преры-

висто дыша. Неприятно, конечно, зато полезно... А вот что делать с ее дочерью...

Я встряхнула руки, привыкая к собранной силе, а Молчун, забравшийся на постель, обошел вокруг Таит, «сшивая» и «штопая» разорванную проклятьем ауру. И вот и всё... Девушка, вздохнув, расслабилась, перевернулась на спину и улыбнулась сквозь сон. Мерцание висящего на стене ковра придавало ее бледному лицу выражение... умиротворенности. Отныне она может и спать спокойно, и жить спокойно.

Кивнув самой себе, я подхватила на руки Молчуна, встала и отправилась к лежаку. Затаившееся на время ощущение приступа волнами острого, колючего холода разбегалось по телу, порождая оцепенение, и я стиснула зубы, чтобы не застонать от боли. Проклятье... Опустившись на лежак, я закуталась в одеяло, обняла Молчуна и закрыла глаза. Предчувствие скорой встречи с Вечностью отнимало все силы и сминало волю, не оставляя возможности сопротивляться. Как же отвратительно чувствовать себя беспомощной и кукольно-никчемной...

Оцепенение усиливалось, как и мерзкое ощущение тягучего, леденящего холода под кожей. Тело залихорадило. Перед внутренним взором замаячили туманные силуэты. Тьма, верная подруга, на сей раз предала меня, отступив, и в помутившееся сознание врывались образы давно ушедших и забытых людей. Врывались, подходили, улыбались, протягивая руки и увлекая за собой...

И, с мгновение продержавшись на призрачной грани реальности, я рухнула в гостеприимный мрак. И бешено застучала в висках кровь, запульсировала в сердце тупая боль и легко коснулась плеча ледяная ладонь Вечности.

Ослепительный свет неприятно бил в лицо. Я попыталась отвернуться, попятиться... и скатилась с лежака, стукнувшись головой об пол. С трудом села. Потерла затылок и недоуменно нахмурилась. Перед глазами до сих пор стоял мрак небытия, и лишь пол приятно охлаждал тело, прогоняя оцепенение. А значит... я вернулась. И пережила очередной приступ. Сколько времени я отсутствовала, и кто меня вернул?.. Я переползла на лежак, протерла глаза и поморгала, привыкая к мерцающему свету.

– Ты жива, я знала, – к моей руке несмело прикоснулись прохладная детская ладошка.

Эри сидела на одеяле, зябко поджав ноги, и смотрела на меня с понимающей мудростью. Молчун, свернувшийся клубком, поднял голову и приветственно мяукнул. Я устало провела рукой по лбу. И всё просто...

– Это ты помогла мне вернуться? – я ласково улыбнулась девочке. – Благодарю...

Она отрицательно качнула головой:

– Ты сама шла на свет, я ничего не делала.

– Нет, сделала, – мягко сказала я. – Ты не побоялась подойти и заглянуть *в меня*, чтобы я заметила свет. Что ты уви-

дела?

Эри отвернулась и тихо, испуганно прошептала:

– Холодно. Темно. Пусто. Там – смерть...

– Там – Вечность, – поправила я. – Вернее, ее порог.

И я была очень близка к тому, чтобы уже не вернуться...

– Сколько я... спала?

– Этот день, – девочка озабоченно нахмурила тонкие бровки. – Уже почти ночь. И мама тоже.

– Я сняла с мамы проклятье, и ей потребуется время, чтобы прийти в себя и восстановить силы, – пояснила я. – Она скоро проснется. Ты ела?

Эри кивнула и отвернулась, побоявшись спросить. А я не решилась отвечать на ее молчаливый вопрос. Да, один способ снять проклятье есть, но готова ли я на такой шаг?.. Я повела плечами, прогоняя остатки колючего оцепенения, и почувствовала себя бесконечно уставшей и опустошенной. Приступы всегда отнимают так много сил...

– Спи, – девочка села рядом. – Хочешь, я побуду с тобой? – и неуверенно взяла меня за руку. – Хочешь?..

Я улеглась, посмотрела в ее доброе, излучающее свет личико и вдруг поняла, что смогу. Смогу заплатить за ее жизнь – за ее настоящую жизнь. Мне недолго осталось, приступы становятся всё сильнее, и однажды, провалившись в Вечность, я уже не вернусь, а старые долги нужно уметь отдавать... И да будет так.

– Благодарю, милая, – я ласково пожала детские пальчи-

ки. – Разбудишь меня, когда мама проснется? Мне нужно серьезно с ней поговорить... о тебе.

Детская ладошка выскользнула из моей руки.

– Ты не сможешь... Никто не смог... – Эри попыталась отодвинуться. – Я... сама справлюсь...

– Конечно, справишься, – серьезно ответила я. – А я останусь рядом и помогу. Я знаю, как.

Девочка смотрела на меня недоверчиво и угрюмо, а я вернулась в одеяло и устало закрыла глаза. И улыбнулась. Теперь я... понимаю. И знаю, что смогу. Да, пришло время отдавать старые долги. И нечего терять, и не о чем жалеть. Если жизнь превратилась в мутное существование... надо уметь передать ее другому – достойному. А Эри достойна. Несмотря на тьму проклятья, в ней столько жажды жизни, столько огня и света...

...и как же оно не вовремя, это ожидание мира с его старыми делами... Только вернулся интерес к жизни, и я ощутила себя почти живой... Но – оно всегда не вовремя. И так всегда было, есть и будет. По непонятным для искателей причин, ожидание мира и его загадки *всегда* настигали нас в неожиданные моменты, ломая планы... и жизни.

Да, не о чем жалеть.

– Таит, ты мне доверяешь?

Девушка удивленно подняла брови:

– Почему ты спрашиваешь?

Я рассеянно помешала ложкой горячий овощной суп и объяснила:

– Хочу помочь Эри, но для этого мне необходимо твое доверие. Полное доверие.

Таит уронила на стол ложку и невольно покосилась на кровать, где спала ее дочь, измученная бессонной ночью.

– Но ты же говорила, что в тебе нет силы, и темные маги...
– она запнулась.

– Это так, – согласилась я. – Но иногда сила без поддержки знаний приводит к беде, зато нужные знания при отсутствии силы творят чудеса.

Моя собеседница промолчала, с подозрительным вниманием разглядывая плавающую в супе сушеную зелень, а я терпеливо ждала ответа, помешивая свою похлебку.

– Чего ты от меня ждешь? – тихо спросила Таит.

– Согласия. Нам нужно будет уехать... далеко, – я не стала вдаваться в подробности. – Но ненадолго. А когда мы вернемся, твоя дочь обретет жизнь... и судьбу.

– Ты меня не обманываешь?

– Нет.

– Это... возможно? – недоверчивый взгляд.

– Да.

– Я согласна, – решительно кивнула Таит. – Но... как?

– Неважно, – уклончиво ответила я. – Не спрашивай меня ни о чем. Просто верь.

Она снова кивнула и без аппетита взялась за суп. В меня,

признаться, тоже ничего не лезло. Не терпелось осуществить задуманное... пока я не испугалась. А, видит тьма, вскоре мне потребуется всё мое мужество.

– Мама? – Эри приподняла с подушки взъерошенную голову, и я заметила ее внимательно-испуганный взор. Улыбалась.

– Да, дочка?

– Я скоро уеду?

Я многозначительно посмотрела на Таит, но она промолчала испуганно. И я ответила за нее:

– Да, Эри. Мы с тобой сегодня же уезжаем.

– А мама? – девочка нахмурилась. – Почему мама с нами не едет?

– Мама подождет дома, мы ненадолго, – мне надоело бороться с собой, и я отодвинула тарелку в сторону.

– Да... подожду, – с трудом добавила Таит.

– А куда поедем? – Эри, завернувшись с одеяло, подковыляла к столу.

Я вопросительно посмотрела на хозяйку дома:

– Где здесь ближайший храм Вечности?

– На соседнем острове, – та казалась сбитой с толку. – Но зачем он тебе?

– Надо, – я встала и потянулась за сумкой. – Собирайтесь, не стоит медлить.

– Но ведь фаза Вечности на дворе...

– Ну и что? – я обулась, заправив штаны в сапоги, и до-

стала из сумки зелье перемещения. – Тьма мне не помеха.

Таит заметалась по комнате, одевая дочь, собирая в дорогу вещи и заставляя Эри поесть, хотя у девочки аппетит тоже пропал. И я вмешалась в затянувшиеся сборы, намекнув, что кроме плаща ей ничего не понадобится и не стоит суетиться. И Таит неохотно послушалась. Закутала дочь в теплый плащ и надолго ее обняла. Словно боялась, что видит своего ребенка в последний раз.

– Мы скоро вернемся, – тихо напомнила я и еще тише добавила: – Верь мне.

Девушка кивнула и отошла, а я взяла Эри за руку и дождалась, когда Молчун в облике ворона вспорхнет на мое плечо. И, ободряюще улыбнувшись Таит, разбила зелье об пол, шагнув в синие круги перехода.

...и никто никогда не узнает, что больше всех предстоящего боялась я.

Храм Вечности встретил нас молчаливым недоумением. Эри, крепко держа меня за руку, удивленно посмотрела по сторонам. Просторное овальное помещение, озаренное мрачным мерцанием серых факелов, вспыхнувших при нашем появлении, казалось, давно ждало чего-либо появления. А последних посетителей храм встречал очень давно. Так давно, что пол покрылся толстым слоем пыли, а висящие на стенах факелы закутались в грязную паутину. Время не тронуло лишь стоящее в центре каменное кресло да неболь-

шое возвышение у противоположной стены.

– Зачем это? – шепотом спросила Эри, указывая на кресло.

– Скоро узнаешь, – тихо ответила я. – Идем.

Сбросив плащ и сумку на пол у кресла, я подхватила свою спутницу под мышки и усадила ее в кресло. Эри благодарно помалкивала, понимая, что сейчас вопросы останутся без ответа, и с боязливым любопытством изучала странные углубления на подлокотниках. И, прежде чем оставить девочку одну, я всмотрелась в ее ауру, изучая плетение, и, запомнив мелкие детали, усыпила свою подопечную. Мне предстоял непростой разговор с Вечностью. Непростой и очень личный.

Я ссадила Молчуна на сумку и нервно сжала кулаки, сосредотачиваясь, собираясь с мыслями и смиряясь с неизбежным. И, собравшись и повторив про себя все доводы, решительно пересекла комнату и взбежала по узким ступенькам на возвышение. И замерла, прижав ладони к вырезанному в стене темному кругу – провалу в небытие. Приветствую...

Провал слабо запульсировал и пошел темными кругами, словно шаловливый ребенок бросил в ночное озеро крупный камень. Я отступила в сторону, и из провала выступила женщина. Высокая, с прямой осанкой, в сером плаще с надвинутым на лицо капюшоном. И в тонких перчатках на руках, скрывающих чистые ладони. Голос Вечности. Человек без судьбы. Из тех, кто изначально отказывается от инициации,

пути и судьбы. Они живут при храмах Вечности и говорят от ее имени. И они очень, очень много знают.

– Ты пришла.

Голос глухой, тусклый, безжизненный. Я невольно поежилась под пристальным взглядом из-под складок капюшона.

– Я не могла не прийти.

– Почему же? Ты наловчилась прятаться.

Я поморщилась:

– У меня были на то свои причины, и тебе они известны.

– От Вечности не убежишь и не спрячешься – и тебе это тоже известно.

Я криво улыбнулась:

– Не спорю... Но я здесь по другому делу.

– Слушаю, – храмовница сложила руки на груди.

– Даруйте ребенку судьбу – и жизнь, – попросила я. – Откажитесь от нее... на время. На *ее* время. Да, и я знаю, что ничто не появляется на пустом месте. Чтобы что-то пришло, нужно, чтобы что-то ушло. И я готова. Готова заплатить, – добавила твердо.

– Собой.

– Да.

– Зачем? Инициированные люди без судьбы долго не живут. Может, оставишь ее здесь? А что до тебя, Рейсан... Ты и так принадлежишь Вечности. И встретишься с ней и без этой жертвы. И очень скоро.

Я невольно оглянулась. Эри спала, откинувшись на спин-

ку кресла. Оставить? Оставить ее здесь – и свою жизнь себе? Соклазн был велик, но... Отнять единственное дитя у несчастной матери? И оставить девочку на всю жизнь искалеченной проклятьем?

– Нет, – я взяла на себя ответственность за судьбу Эри – и решила за нее, – она пройдет инициацию и получит судьбу. А я... Я – хитрая тьма, и мне хватит упрямства и удачливости искателя удирать с порога Вечности... до последнего, – и, набравшись наглости, предъявила последний довод: – А если я начну этому учить?..

– Не начнешь, – храмовница склонила голову набок. – И будь по-твоему. Делай необходимое. Но следующей Снежной луны ты не увидишь – лишь приход почувешь.

– Так... мало?.. – я вздрогнула.

Один сезон – от Снежной луны до Пыльной – сто двадцать три дня. Сейчас – конец Снежной луны, а впереди – лишь Пыльная да Дождливая. И до начала следующего времени холодов мне остается... меньше лунного сезона, считающегося от Снежной до Снежной...

– Мало? – глухо переспросила храмовница. – Ошибаешься. Много. Ты давно стоишь одной ногой на пороге, а вчера тебя спасло лишь ожидание мира. И этот ребенок. Без них – как ни упрямься, как ни хитри – ты не справишься. Без помощи тебе не сбежать. Не выбраться. Ты готова?

Услышать горькую правду и решиться оказалось тяжелее, чем я предполагала. Я вздохнула, поджав губы. И умом по-

нимала правдивость исходящих от Вечности слов, и вроде бы приготовилась... Но глупая душа в панике металась по телу, не желая его покидать и отказываться даже от того жалкого существования, которое я влачила последние лунные сезоны.

– Хочешь передумать? Позволяю.

– Нет, – быстро ответила я. – Не передумаю. Ты права. Слишком поздно. От неизбежного не уйти, а отсрочка больше измучит... Я и так слишком долго живу.

– Когда ты поняла, что время пришло?

Странно, подумала я с отстраненным удивлением, что люди Вечности не лишены некоторого любопытства... Но я всегда умела заинтересовать и заинтриговать.

– После Небесного храма, – я мрачно посмотрела перед собой. – Но от понимания до принятия – дорога длинная...

– Даруй ребенку силу судьбы и назови ее имя. И помни, у тебя есть только ожидание мира. Когда оно завершится, путь будет пройден. А ожидание скоротечно. Тебе недолго осталось.

– Благодарю, – хрипло пробормотала я.

– Удачи.

И с традиционным искательским прощанием храмовница протянула мне колоду карт. Приговором. Окончательным. Вот и всё... И увидеть конец пути нетрудно, и Вечность не так страшна, как ее предчувствие и мимолетное ощущение...

Вестница повернулась и растворилась в провале, а я осторожно перебрала старые карты. Карты пути – последнее творение Великой, позволяющее людям без судьбы при инициации выбирать дорогу новой жизни. А проживет Эри действительно недолго... но – проживет. Без проклятья, полной жизни и сил. И магии света. Дрожащими руками я сложила один к одному пустые потертые листы и на негнущихся ногах спустилась с пьедестала, устало осев на последней ступеньке.

Молчун черным псом неслышно подкрался ко мне, сел рядом и положил голову на мои колени. В янтарных глазах тускло замерцала мудрая печаль. Карты, так тщательно собранные, рассыпались по пыльному полу, когда я крепко обняла своего единственного друга и спрятала лицо в густой, мягкой, пахнущей снежной сыростью шерстке. И долго сидела, дрожа и не решаясь взглянуть на него. Молчун тихо заскулил.

– Не надо... – мой голос срывался. – Не жалею меня. Я справлюсь. Ты же знаешь, я смогу. И пройду свой путь до конца... только прежде нужно найти тебе другого хозяина.

Я обняла его морду и посмотрела в грустные янтарные глаза:

– Да, верно. Я давно не живу, а существую, и, как бы ни хитрила, Вечность неизбежно меня настигнет... А так я успею сделать нужное дело и помочь невинному существу обрести жизнь. Детей нам иметь не дано... – я вымученно

улыбнулась. – Но теперь Эри отчасти и мой ребенок. Понимаешь?..

Молчун отвел глаза, уныло вздохнул и понимающе мяукнул. Я тихо хмыкнула. Быть может, однажды я пожалею о том, чего лишилась сегодня, а пока... пусть всё остается, как есть. Я снова собрала карты в колоду и, подойдя к креслу, осторожно разбудила Эри. Та недоуменно заморгала и, испуганно оглядевшись, настороженно посмотрела на меня.

– Тяни две карты, – я протянула ей колоду. – Любые.

Девочка нерешительно изучила пухлую стопку листов и вытянула одну карту сверху, а вторую – снизу. Я отложила колоду в сторону и показала своей подопечной, как расположить выбранные карты в углублениях на кресельных подлокотниках.

– Будет больно, – мягко предупредила я, прижимая ладошки Эри к потертым листам. – Потерпишь?

Она кивнула и зажмурилась. Ну, что ж... Теперь пути назад точно нет. Позади меня тихо каркнул Молчун. Благодарю за поддержку, дружище... Я собралась с мыслями и быстро пробормотала ритуальную фразу, которой меня научил приемный отец. Будучи темным, он искренне полагал, что инициировать людей без судьбы придумал Девятый, чтобы искупить свою вину перед бездетными от природы последователями. И я, говорил он, как человек мрака, тоже должна этой тайной владеть, ведь жизнь – штука непредсказуемая, и случиться может всякое. И оно случилось.

– За твою жизнь – свою жизнь, за твою судьбу – свою судьбу, и да поможет тебе Вечность обрести истинный путь, лишь для тебя предначертанный и тобою выбранный...

И предусмотрительно прижала руки Эри к подлокотникам. Тельце ребенка скрутила судорога. Девочка, хрипя от боли, пойманной пташкой забилась в невидимых путах, а из углублений вырвалось два снопа блекло-серых искр, сквозь которые проступили очертания древних рун. Терпи, малышка, осталось всего ничего... Левый от меня сноп засиял снежной белизной морозного утра. Я невольно улыбнулась. Дитя света, ты не могла не выбрать магию Первой... Правый сноп, помедлив, свернулся тугим узлом. А я не могла не передать тебе часть своего дара... И ты тоже будешь искателем, и одним из сильнейших, готова поспорить. Жаль, что я этого не увижу...

Искры погасли, оставив слабый и терпкий запах магии, а моя подопечная открыла глаза, полные невыплаканных слез. Я бережно сняла ее с кресла и крепко обняла, утешая и баюкая, а Эри, уткнувшись носом в мой живот, всхлипывала и судорожно вздрагивала. Я вздохнула и заставила себя расслабиться. Теперь можно не бояться неизвестности... Теперь... всё.

– Вот и всё, солнышко, – прошептала я, присела и поцеловала девочку в макушку. – Боли больше не будет, мы скоро вернемся к маме, и... не хочешь посмотреть на свои руки?

Эри, утерев слезы рукавом платья, нерешительно подня-

ла руки и взглянула на свои ладони. Вечность стерла с них грубые родимые пятна, начертав жизненные линии, которые складывались в два четких рисунка – в символ Первой на правой ладони и в символ искателей на левой. А с ауры сошло пятно проклятья, и, как и я обещала Таит, ее дочь ничем не отличалась от обычного ребенка. И видели отныне оба глаза, и тусклая седина превратилась в искрящееся серебро густых волос, и вернулись краски на неживую половину лица.

Я взяла Эри за плечи и осторожно подтолкнула вперед:
– Ну-ка, дружок, пройдишь.

Она неуверенно сделала несколько шагов и завертела головой, изучая старый мир и заново открывая для себя новый. И учась по-новому и видеть, и слышать, и двигаться, и – жить.

– Кто я теперь?.. – обернулась ко мне.

– Светлый маг и искатель, – отозвалась я. – И совершенно новый человек с новой жизнью и с новой судьбой.

В голубых глазах мелькнул страх. И, поглоти меня Вечность, я прекрасно ее понимала, ведь однажды переживала подобное. Растерянность, неуверенность и – ужас. Безотчетный, бессильный и беспомощный страх даже не будущего, но настоящего – того, в котором ты то знаешь себя, то не узнаешь, и отчаянно боишься себя нового, и безумно боишься *за себя* настоящего. И страшишься не удержать новое и потерять старое, когда уже невозможно ни остаться собой преж-

ним, ни отказаться от себя обретенного.

Я обняла Эри за плечи и посмотрела в ее глаза:

– Не смей бояться себя. Не смей, слышишь? Принимай то, что есть, и не позволяй страху изуродовать твою личность. Будь собой, гордись собой, уважай себя и никогда от себя не отказывайся, понятно?

Девочка молча кивнула.

– Учиться заново жить и узнавать себя – это не только страшно, но и страшно интересно, поверь, – добавила я мягче.

– Скажи... и с тобой тоже... такое случилось? – осторожно поинтересовалась она.

– Не совсем, – ответила уклончиво. – Но мне приходилось жалеть о том, что я не родилась кем-то другим... И приходилось учиться понимать себя и принимать, не отказываться от себя и не бояться, даже когда... – я запнулась и отвела взгляд. – Даже когда от этого зависело мое будущее, да и не только мое. Может, сейчас ты не понимаешь всего... Понимание приходит со временем. Просто запомни то, что я сказала, договорились?

– Ничего не бояться, – тихо повторила Эри и шмыгнула носом. – Я запомню...

– Смотри, – я шутливо погрозила ей пальцем. – Через пару лун приду и проверю.

Девочка неуверенно улыбнулась, а я помогла ей надеть плащ, подобрала свои вещи и, дождавшись Молчуна, подо-

шла к высоким створчатым дверям храма Вечности и разбила зелье перехода. Мне срочно нужно отдохнуть... а с Джа-лем я прощусь потом. Без свидетелей. Наедине с собой и собственной памятью. Сейчас же – домой к Таит, пока я не упала в обморок посреди храма. Инициация, оказывается, отнимает столько сил...

И, признаться, я не поняла, как добралась до лежака. Единственное, что запомнила, это счастливые слезы Таит, ее сбивчивый лепет благодарности и мое ответное невнятное бормотание о срочном отдыхе и чем-то еще. И – быстрее в сон, пока...

...Я брела по узкой тропе и на ходу читала летопись эпохи Великой. Через четыре дня начнутся экзамены на звание практиканта-«хвостика», и мой наставник, зная, что я специализируюсь на эпохах Изначальности – Великой, добыл разрешение, позволяющее мне брать из хранилища любые нужные летописи. И по утрам, перед учебой, я убегала из надоевшей ступени гильдии в сад и бродила там, читая, разбирая и запоминая. Благо, в Дождливую луну находилось мало желающих составить мне компанию, и я занималась в гордом одиночестве. Только Джаль заглядывал проверить, не умерла ли я с голода, приносил перекусить и рассказывал последние сплетни.

В густых древесных кронах зашуршали первые дождевые капли. Я поспешно свернула летопись, спрятала ее в кар-

ман плаща и, присев на корточки, затаилась под раскидистой елью. По сырой, покрытой желто-коричневой травой земле приветливо застучал дождь. Я с удовольствием вдыхала пронзительно-свежий воздух, напоенный запахами прелой хвои, пряных трав и влажной древесной коры.

Пожалуй, я одна из немногих по-настоящему любила Дождливую луну, несмотря на сырость, грозы, лужи и грязь. Почему? Не знаю. Может, потому, что в умиротворенном шепоте дождя звучали голоса, рассказывающие сказки и легенды прошлых эпох. Может, потому, что бесконечные потоки воды уносили прочь страхи и сомнения, расслабляя, смывая прошлое. Или потому, что дождь сужал мир до ощущения самого себя наедине с самим собой, в теплом и ненавязчивом одиночестве, которое ни с кем не хотелось делить. А может, потому, что я родилась в сезон Дождливой луны. И с ощущениями скорого дождя во мне просыпалась небывалая жажда деятельности. Да и нужно ли искать причины для объяснения привязанности к чему-либо?..

Не боясь испачкать плащ, я сидела на сырой траве, рассеянно наблюдала за льющейся с небес водой и мечтательно улыбалась. Пара дней – и я уеду в свой первый поход... И в прошлой жизни останется ступень гильдии, давление серых стен и крошечная комнатка ученика... И только ветер за плечами и бесконечность под ногами... А в собственных силах я не сомневалась и не волновалась по поводу экзаменов. А летописи изучала для общего развития. Практика –

вещь суровая, и далеко не всегда занятой наставник находит время для объяснений. И я старательно набиралась знаний – на будущее.

Дождь начал стихать, и я осторожно высунулась из-под уютного шалаша еловых веток. Промокнуть я не боялась, а вот летопись нужно вернуть в хранилище сухой и неиспорченной. На землю упали последние редкие капли, и меж тяжелых туч мелькнул первый за долгое время дождей лучик солнца. Я выползла из-под своего укрытия, решив прогуляться перед дальнейшим чтением, когда...

– Прочь с дороги, мелочь.

Я его знала. Новоиспеченный искатель Младшего поколения, чрезвычайно собой и своими достижениями гордившийся, которого либо сторонились, либо боялись. Дайрис. На редкость угрюмое и раздражительное создание, лягушкой раздувающееся от самомнения и соответственно... квакающее на всё подряд. Я осторожно попятилась, уступая тропу. Искатель презрительно скривился и шагнул в мою сторону.

– Я кому сказал, прочь с дороги?

Кажется, кто-то уже прищемил ему хвост, и теперь на мне срывали злость... Я молча отступила за пределы тропы, встретила взгляд, полный отвращения, и напряглась. Я не любила склок, ссор и драк и редко позволяла себе разозлиться на кого бы то ни было. Но если этот парень не уйдет... то нарвется на неприятности.

– Трусишь, отродье мрака? – сплюнул он.

Откуда узнал?.. Я старательно прятала свою темную сущность ото всех, но... Неужели слышал наши с Джалем разговоры?.. Впредь нужно быть осторожнее.

– Нет, я прохожу мимо и никому не мешаю, – тихо ответила я. – Проходи и ты мимо, Дайрис...

– Не то что? – иронично прищурился искатель.

Я пожала плечами... и едва избежала подлого удара по ногам. И не уследила за собственной реакцией, развитой главой темных. А Хлосс справедливо считал, что мы должны уметь постоять за себя – без помощи одной силы, так с помощью другой. И я прошла суровую школу, как улыбочиво говорил глава, мордобоя. И не только. Парень сначала получил по носу, а после оказался лежащим на земле.

– Дернешься – умрешь, – мягко предупредила я, взяв в захват его шею.

– Рейсан!..

По тропе неся Джаль. Я поморщилась. Как он не вовремя, появился бы мгновением позже – ничего бы не узнал...

– Отпусти его!.. – друг с трудом перевел дух. – Отпусти, Рейсан!

– Он первым начал, – я сильнее сдавила шею, и Дайрис, конвульсивно дернувшись, захрипел.

– Но он не стоит того, чтобы тебя вышвырнули из гильдии! Не стоит, слышишь?..

Я неохотно позволила Джалю оттащить себя в сторону и

чутко напряглась в его руках, приготовившись при необходимости вырваться. Моя жертва со стоном села, держась одной рукой за горло, а второй – за сломанный нос. Мало вре-
зала – крови мало...

– Убью, мразь!..

– Не советую и пытаться, – отозвалась спокойно. – И никогда не связывайся с темными, если дорога жизнь.

Злой, недоуменный взгляд – и тонкая сеть тьмы, слетевшая с кончиков моих пальцев. Младший забился в кольцо судорог.

– Ты что творишь, забери тебя свет?.. – Джаль, выругавшись, встряхнул меня за плечи.

– То, что научит его жизни, – пояснила я.

Дайрис, дернувшись, замер, с недоумением нащупав на своей шее темный жгут веревки.

– Да, это проклятье, – я в упор смотрела на Младшего искателя. – Посмеешь еще раз напасть на беззащитное существо только по собственной глупой прихоти – умрешь на месте от удушья, понял? Если будешь вести себя хорошо, оно рассеется само собой. А снова попадешься мне на пути – сверну не нос, а шею. Клянусь мраком.

– Дрянь!..

– Твое мнение – это только твое мнение, и не более того, – я усмехнулась и, осторожно отстранившись от Джалья, поспешила по тропе.

И снова пришлось потратить силу, которую я с таким тру-

дом накопила, на глупую скотину... Хлосс был бы недоволен... но я ни о чем не жалела. Младший получил по заслугам. Верни время назад... еще бы и зубы выбила. А впрочем... Позади раздался глухой звук удара. Джаль, чтоб тебя... Ладно, все знают, что я ненормальная, а ты-то, всеобщий любимец, зачем подставляешься?.. А впрочем, да... Ничего Младший не расскажет. Не запомнит. Дождь, влажная земля, деревья повсюду...

Джаль догнал меня на полпути к ступени гильдии.

– Рейсан, я же просил, держи себя в руках! – завел он свою привычную нудную песню.

Я скривилась, потирая разбитые костяшки пальцев:

– Извини, сорвалась.

Мой спутник помолчал и после паузы тихо спросил:

– Ты не врала... насчет шеи?

– Нет.

– И... ты убивала раньше?

– Да.

– Почему?.. – он настойчиво ловил мой взгляд.

– У меня было тяжелое детство, – холодно, сухо, угрюмо. –

Ты же знаешь, я же рассказывала, с чего всё началось... и на этом не закончилось.

И не смогла посмотреть ему в глаза. Слишком долго я старалась скрыть от него эту сторону своей натуры и жизни... Слишком долго, чтобы он не узнал о ней.

Я ускорила шаг, обогнав Джалья и устремившись прочь.

Лишь бы не видеть в его глазах отвращение... И пусть не моя вина в том, что я стала такой, какой стала, и уже не смогла быть другой. Жизнь темного непредсказуема и опасна с рождения. В раннем детстве оставаясь в одиночестве и теряя близких, волей-неволей учишься любой ценой отстаивать право на собственное существование.

– Подожди!.. – теплые руки обнимают за плечи. – Не убегай... Мне всё равно, каким было твое детство, и через что тебе пришлось пройти... мне важно то, что ты есть. И оставайся такой, будь собой и не прячь себя. Не надо...

Несмелая улыбка и лучистый свет в серых глазах – и к моему горлу подкатил соленый комок горячих слез. Только рядом с Джалем я научилась понимать, принимать и ценить себя такой, какой стала, и чувствовать себя полноценной и нужной. Только рядом с ним я смогла наконец примириться с собой и обрести себя. И любила его больше жизни...

Эх, Джаль... Встав с постели, я зябко закуталась в одеяло и подошла к окну. С темного неба на меня лениво смотрела ярко-желтая, окруженная невесомой сетью пламенеющих колец, Пыльная луна.

Я распахнула окно, впуская в комнату тепло говорливого, пряного ветра. Вздохнула, закрыла глаза и прижалась щекой к шершавой оконной створке. Попыталась запереть на замок ненужные мысли и чувства... и с горечью ощутила, как тоскливо завывало в своем углу отчаянное ощущение одиночества.

Завыло голодным волком, заскребло по сердцу когтями, забило облезлым хвостом...

Что мне стоило отпустить тебя, Джаль?.. Добраться до храма, поговорить, попросить прощения... и проститься навсегда. Я ведь ничего не прошу, я просто хочу, чтобы ты перестал мне сниться... И пусть остается привычка спать, обнимая... одеяло... И пусть лежит в пыли старых дорог мой вдребезги разбитый мир... Лишь бы не видеть твое лицо тогда, когда тебя уже нет...

Я взобралась с ногами на подоконник, обняла колени и, убегая от воспоминаний, всем своим существом впитывала окружающий мрак. Всё, что у меня было. Всё, что у меня осталось. И то, что делало меня сильнее. Мы выходим из Вечности с тьмой в душе и до конца жизни обуздываем собственный мрак, чтобы однажды подняться над ним, стать сильнее его – и сильнее себя, превращая свои и чужие слабости в неисчерпаемый источник силы. Темная боль потери, тупой занозой засевшая в сердце, когда-то делавшая меня уязвимой и надломленной, давно стала частью моей силы. И нет больше слабых мест. И я хорошо себя изучила. И нашла силы жить дальше. И поднялась над собой. И взяла Старшее поколение магов тьмы. И... сейчас легко поменяла бы всё на одну его светлую и живую улыбку...

Уткнувшись лицом в колени, я вздохнула. Внутренний мрак рвал на части мою беспокойную душу, и мне стоило большого труда в очередной раз его обуздать. Да, каждый

раз бороться с самой собой, чтобы выжить... и не натворить бед. Хотя, признаться, если бы нашелся повод, с радостью бы кого-нибудь убила... Но даже для практикантов вымещение бессильной злости недопустимо, что уж говорить обо мне? Не мстить миру, только не мстить миру... И направлять буйство внутренней стихии в безопасное русло.

Я криво усмехнулась. Когда я в последний раз ее умирала, у меня даже прорезался дар предвидения, чего давно не случалось... Я тогда здорово напугала Таит, но и, надо сказать, здорово ей помогла. В последний раз. Уходя, я сняла с себя ответственность за их с Эри судьбы. И что смогла – то сделала. И вряд ли кто-нибудь смог бы сделать для них больше.

После храма Вечности прошло два дня, и я провела их под одеялом, спрятавшись от мира. Моя тьма, чуя конец пути, неожиданно взбесилась и шипела, пенилась, требуя вцепиться кому-нибудь в глотку и забрать с собой как можно больше жизней, назло всем... Но за глотку ее взяла я, умиряя и успокаивая. И с трудом уgomонила. И когда поняла, что готова уйти, не навредив...

– Таит, у тебя есть карты схилис?

Вопрос застал врасплох, и она вздрогнула. Я поморщилась. Ничего, всё проходит... И однажды это запуганное и затравленное существо найдет в себе силы поднять голову, смело взглянуть на мир и улыбнуться ему. В первый раз –

без страха. И я видела, когда и как это случится.

Удивительные сюрпризы порой преподносит сила: кажется, изучил ее вдоль и поперек, но в самый неожиданный момент она показывает иную свою сторону. Вот и теперь. Упаковывая вещи, я мельком взглянула на Таит и заметила окружающую ее вереницу полустертых призраков. То будущее, о котором ее важно предупредить? Скорее всего. Но без карт я вряд ли справлюсь, предсказания – это вотчина лунных сумерек.

– Есть, кажется, – Таит ушла в мастерскую, а я вновь занялась вещами.

Очень кстати мы встретились... Видит тьма, я бы разочарилась на сборах в поход, а снова воровать не хотелось. Не хватало еще, чтобы глава местной воровской гильдии кинулся на поиски конкурента... Помимо магически вместительных сумки и поясного кармана, меня снабдили заговоренной одеждой, и я, воспользовавшись моментом, сунула под подушку деньги. Хорошая работа должна быть хорошо оплачена, да. А то, что я сделала... не в счет. Не в этот счет. Это мои старые долги, девчонок никоим образом не касающиеся.

Надев поясной карман, я заправила рубаху в штаны, одернула тунику, села на пол и обула новые сапоги. Вот и всё. Пора в дорогу.

Появившаяся из мастерской Таит выглядела растерянной.

– Они не рассыпаются, – изумленно сообщила она, протягивая мне серый сверток и садясь напротив. – Прежде кар-

ты при прикосновении превращались в пыль, и для этих мне пришлось долго заговаривать ткань...

– Так ты была проклята, как и вся твоя семья, что вредило картам, – пояснила я, бережно разворачивая сверток и перемешивая старую, потертую колоду.

Карты схилис – хранители дома и семьи. Спрятанные в шкафу и, казалось бы, забытые, однажды они напомнят о себе, появившись под подушкой у главы дома, и предупредят об опасности, подскажут верный путь, ответят на вопрос, дадут совет. Но, конечно же, их нужно уметь читать, чего Таит, судя по заинтересованному взгляду, явно не умела.

– Учись, – посоветовала я, – пригодится.

И разложила карты по четырем стопкам. Белые карты – это свет и прошлое, дымчато-серые – сумерки и настоящее, черные – тьма и будущее, сизо-синие, пульсирующие – Вечность и неизведанное: то, что необязательно случится, но если случится – в корне изменит ситуацию. В центр расклада я положила серебристую карту Изначальности и пристально изучила окружающих Таит призраков. А те, столпившись за ее спиной и выглядывая из-за плеча, жестикулировали, пытаясь что-то рассказать. Я кивнула им, и карты, повинаясь жесту, перемешавшись, сложившись в причудливый узор.

– Это руна пути, – объяснила я. – Вы уедете... на материк Первой.

Таит затаила дыхание. Карты сложились в новый рисунок.

– Семья, – я едва заметно улыбнулась. – Там вы найдете

семью. И ты выйдешь замуж. У тебя будут... дети. Трое. Два мальчика – сумерки. И... дочь, – я невольно запнулась, когда увидела, как на карту Изначальности легла карта тьмы.

– Что?.. – подалась вперед Таит.

– Ребенок тьмы, – тихо ответила я.

Она предсказуемо побледнела. Дитя света приносит семье счастье, любовь и радость, дитя сумерек – богатство и небывалую удачу, а дитя мрака – горе, боль и смерть. Смерть всего рода.

Я вздохнула, собираясь с мыслями. На самом деле всё не так страшно. Конечно, мне этой участи избежать не удалось, и, едва родившись, я осталась одна на целом свете...

– Послушай-ка меня внимательно, – вкрадчиво начала я. – Но прежде ответь на пару вопросов. И не мне ответь, Таит. Себе. Обманывала ли я прежде, и готова ли ты поверить моим словам безоговорочно?

Она опустила глаза и еле слышно ответила:

– Д-да...

– Тогда продолжим, – я рассеянно собрала карты в колоду. – Вспомни свою семейную легенду. Твоя прапрапра была темной, но род на ней не прервался, не так ли?

Таит удивленно моргнула:

– Так...

– Да, тьма забирает в Вечность часть семьи – это необходимо, чтобы пробудить в ребенке силу. Появляясь на свет, темный впитывает растворенную вокруг силу смерти и бо-

ли... подкрепляясь. Закрепляя себя на пути магии мрака. Но если в момент рождения рядом находится сильный темный маг, нужда в чужой смерти отпадает – необходимую силу дадут. И на путь наставят без ущерба для рода. Другое дело, что рождение темного не предугадаешь, поэтому спасти его семью удастся редко.

Я поколебалась, но добавила откровенным:

– А вообще это началось после эпохи Войны, вернее, после дел Девятого. Тьмы в мире нет, впитывать нам нечего, вот и... добываем сами. Иногда получается предвидеть и предсказать рождение темного... но очень редко. По большим всплескам силы мрака мы, конечно, находим детей... но слишком поздно.

И поздно не только для родителей, но и для ребенка, ведь окружающим проще «не замечать» появление проклятого (или избавиться от него), чем спасти того, кто губит одним своим появлением на свет... И еще и поэтому темных так унизительно мало.

Реакция Таит порадовала.

– Что мне делать? – она смотрела на меня прямо и сосредоточенно.

– Помнить. Следить. И не медлить. Она будет третьей, за двумя парнями. Как только поймешь, что ждешь ребенка, уезжай. На материке Великой доберешься до Песчаного края – это самая северная область. У подножия Песчаного великана остановишься в городе и найдешь человека по имени

Хлосс. Его там все знают, он – глава братства темных. Да, не удивляйся, у нас нет гильдии, зато есть братство. И доверяй Хлоссу, как доверяешь мне.

В синих глазах Таит вспыхнул понятный вопрос, и я ответила на него сходу:

– Прошли те времена, когда мы предавали незнакомых людей и друг друга... да и мы – не те, что прежде. Любому темному ты сможешь доверить и свою жизнь, и жизнь своего ребенка – нас слишком мало, и мы бережем друг друга. И после родов оставишь дочь в братстве. Не спорь со мной. Оставишь. Только темный сможет воспитать темного. И если не хочешь, чтобы твоя дочь выросла злобной и полной ненависти к миру, оставишь. Она вернется к тебе и станет твоей отрадой и опорой. Мы дорожим семьей, Таит. Многие из нас не знают, что это такое, и мы очень ею дорожим. Никто не позволит девочке забыть о тебе. Никто, – я устало посмотрела в испуганные синие глаза. – Не понимаешь?

Она отрицательно покачала головой. Я вздохнула и зябко повела плечами.

– Мир жесток, Таит, и люди изначально отвергают тех, кто от них отличается. И мы не находим себе места ни среди ремесленников, потому что мы маги, ни среди магов, потому что в нас нет силы. Иная ситуация у двуликих, имеющих второй путь – таких, как я, или у Перекрестков, которые могут выбрать из всех возможных путей любой. Я – еще и искатель, мне повезло, но чистым темным приходится нелегко. И кто

объяснит твоему ребенку сущность силы, если не опытный наставник, кто научит управлять внутренним мраком и докажет, что быть темным – не значит быть изгоем? Кто объяснит, что тьма – это не только боль, разрушения, ненависть и смерть, но и внутренняя сила, глубокое знание себя, умение видеть незримое и... мудрость? Кто? Ты?

– Нет...

– Вот видишь.

– Я... так и сделаю.

– Очень на это надеюсь, – встав, я оправила тунику, взяла сумку и подождала, когда Молчун займет привычное место на моем плече. – Пора прощаться.

– А Эри? – встрепелась Таит, тоже встав. – Она...

– ...поймет. Пусть спит, – добавила я, подходя к двери. – И не забудь про гильдию Первой. Эри пора приступить к учебе.

– Я всё запомню, – тихо пообещала она. – Благодарю, Рейсан. За всё...

Я улыбнулась ей, прощаясь, и вышла на крыльцо, тихо закрыв дверь. Если ты вмешиваешься в судьбы людей, будь готов отвечать за последствия? Но на этом, пожалуй, всё.

Проснувшись, я долго не могла понять, где нахожусь. Перед мысленным взором стояли лица людей из прошлого, и видение было столь ярким, что я долго лежала, уткнувшись в подушку, и приводила в порядок мысли и чувства, вспоми-

нала и прощалась. И неизвестно, сколько бы еще провалялась без дела, если бы не Молчун. Черной кошкой взобравшись на постель, он лизнул мою щеку и фыркнул в ухо. Да, пора вставать...

Я села, спустила ноги на пол и осмотрелась. Так. Понятно. Захудалый постоянный двор на одном из немногочисленных островов Восьмой. После прощания с Таит я долго не раздумывала. Вспомнила, где находится ближайшая башенка, и отправилась на поиски. И теперь имела то, что имела.

Собиралась я недолго. Умылась, оделась, сжевала второпях пирожок, перекинула через плечо сумку и флягу с чаем и пустилась в путь. Еще вчера я договорилась с одним из рыбаков о том, что он доставит меня на крошечный необитаемый островок, где находился источник силы и, судя по положению солнца, должна успеть на встречу с перевозчиком вовремя. Я неспешно пересекла рыбацкую деревушку, заглянув к булочнику и купив пирожков с рыбой. Поиски имеют свойство затягиваться.

Рыбак, дымя трубкой, уже меня ждал. Высокий, крепко сбитый, с суровым и загорелым дочерна лицом, одетый в старую серую рубаху и черные, закатанные до колен штаны, он сидел на носу лодки и наблюдал за поднимающимся над океаном светилом. Соленый ветер трепал его темные волосы и рвал распахнутую на широкой груди рубаху. Холодное время Снежной зимы ушло пять дней назад, и Пыльная луна уже успела напомнить людям о предстоящей жаре.

Приветливо кивнув, я взобралась в лодку и уселась на скамью. Тот, тоже кивнув, толкнул утлое суденышко в море и взялся за весла. Я с удовольствием подставила лицо ласковым солнечным лучам и наслаждалась поездкой, пока не заметила мелькнувшую в утренней мгле громаду ярко-красной скалы. Моя цель – источник силы светлых сумерек. Почти прибыли. Я отерла с лица морские брызги, заплела волосы в косу, закатала рукава рубахи до локтей и подтянула перчатки.

Рыбак, заметив мои приготовления, понимающе уточнил:

– Что ищем?

– Клад, – неохотно отозвалась я.

Молчун, поддакивая, хрипло каркнул.

– Да бросьте, – недоверчиво прищурил карие глаза мой собеседник. – О богатствах Старших искателей легенды слава, и на кой же вам клад?

Ступив на привычный путь, я перестала прятать нашивку, и тугой золотой узел, пришпиленный к вороту туники, гордо сверкал в рассветных лучах солнца.

– Нужен, – я небрежно заправила за ухо прядь волос.

Рыбак, попыхивая трубкой, хмыкнул:

– Спящий страж не подпускает к себе чужаков. Схоронивший на нем клад там же и остался.

– Спящий страж? – рассеянно переспросила я. – Откуда такое название?

– Разные люди рассказывают, – мой спутник пожал плеча-

ми. – Говорят, будто не скала это, а спящее чудовище. В былые времена оно просыпалось, когда острову опасность грозила, и пожирало врагов, – и он хитро покосился на меня, но я и бровью не повела. – И пираты к нам потому не заглядывают. Боятся, что Страж пробудится.

А я про себя подумала, что пираты на остров не заглядывают по иной причине. Деревушка, конечно, пока не развалилась, но весьма к этому близка. И брать у ее скромных обитателей, прямо скажем, нечего. А рыба и прочая морская живность – добыча невеликая.

– А еще говорят, что зачарована скала, – продолжал рыбак, ритмично работая веслами. – В светлые сумерки зарево над ней вспыхивает, которое даже сильные штормы унимает, если близко они подходят.

Я хмыкнула. Еще бы... У людей источник силы под боком, а они не понимают серьезности положения. В пик активности, особенно суточной, источник не то что корабль потопит или шторм успокоит, он остров в пыль стереть может. Удивительно, как эти легенды еще не дошли до сумеречных. Вот кто бы и источник изучать примчался, и местных жителей об опасности предупредил, и силу к рукам прибрал. Но, впрочем, это уже не мои заботы. Хватило мне в свое время возни с источниками.

Помнится, однажды светлые предложили искателям крупный заказ, и мы с Джалем немало укромных уголков мира облазили в поисках источников света. Нашли их штук де-

сать, чем и светлых порадовали, и денег заработали, и вплотную подобрались к получению золотого узла, и проклятые источники возненавидели. Но сейчас полученные знания и опыт помогли мне определить местоположение тех источников силы, которые притянули башенки. Схему, придуманную и разработанную вместе с Джалем, я запомнила раз и навсегда.

Мысленно прикинув расстояние, я в сомнении изучила розовато-сизое свечение, окутывающее Спящего стража. Пик суточной активности уже проходил – светлые сумерки сменялись собственно светом и днем, однако... Нет, пожалуй, людям ничего не угрожает – слабоват источник. Я вопросительно покосилась на Молчуна, и тот, подтверждая мои догадки, согласно каркнул. Я усмехнулась. Конечно, права...

– Думаете, неправда это? – неверно истолковав мою улыбку, обиделся рыбац.

– Почему же, правда, – отозвалась я. – Отчасти.

– То есть? – не понял он.

– Не чудовище ваш Страж и не зачарованная скала.

– А что ж тогда?

Пришлось объяснять.

– Стихийная сила – часть природы мира. Она всегда в нем была и всегда будет, или в больших количествах – при приходе Девяти неизвестных, или малых – при их отсутствии. Великая, распутав клубок света, тьмы и сумерек, оставила

нетронутым лишь одно творение Изначальности – источники силы. Точное их количество до сих пор не установлено, и ваш Спящий страж – это один из них, источник стихийной силы светлых сумерек.

– А откуда они берутся, эти самые источники? – с подозрением спросил рыбак.

– Потоки магической силы пронизывают мир, – пояснила я рассеянно, прикрыв глаза ладонью и всматриваясь вдаль. – Они текут сквозь него, невидимые, как подземные реки, и иногда прорывают ткань мироздания. И на месте прорыва образуется источник. Нами найдено около сотни различных источников по всему миру, но их гораздо больше. Да и новые до сих пор появляются в самых неожиданных местах, а старые – исчезают, иссякая.

– А для чего они нужны? – мой собеседник не сводил с меня недоверчивого взора.

– А для чего нужны родники, реки и озера? – отозвалась я, наблюдая за приближающейся полосой земли. – Маги от них питаются. Источники помогают быстро восстановиться истощенным и иногда возвращают дар тем, кто перетрудились, выгорел и утратил способности. Но маги отслеживают их появление еще и для того, чтобы обезопасить людей от разрушительных выбросов стихийной силы.

– А... – рыбак откровенно растерялся.

– Ваш источник – слабый и безвредный, – со вздохом уточнила я.

– Еще и маг?

– Немного.

Нашивку темного я как прятала, так и продолжала прятать. И, к счастью, разговор на этом закончился – мы вплотную приблизились к одинокому островку. Днище лодки красноречиво царапнулось о подводные камни.

Разувшись и закатав штанины, я выбралась из лодки, оказавшись по колено в прохладной воде, и повернулась к рыбаку:

– Заберете на закатных сумерках, – и, протянув ему серебряную монету, с намеком заметила: – и я вам ничего об источниках не рассказывала. Не пугайте людей.

– Само собой, – не стал спорить он. – Закатные сумерки – так закатные сумерки. Не опаздывайте.

Кивнув, я побрела к берегу, с трудом удерживая равновесие. Скользкое морское дно, усеянное неровными буграми камней, к прогулкам не располагало, и я поспешила добрать-ся до вырастающего из пенистых волн Стража. Поскользнувшись на последнем камне, я прижалась плечом к шершавой скале и вручила Молчуну свои сапоги.

– Держи. Встретимся наверху.

Ворон послушно ухватил обувь за шнуровку и поднялся в воздух, а я полезла следом. Красный камень скалы на ощупь оказался зернистым, как песок, и скользким, как лед. Я передвигалась очень медленно, долго выискивая подходящие трещины и выступы, за которые можно уцепиться, не рискуя

упасть. Я неплохо разбиралась в горных породах, но не тогда, когда дело касалось источников. Стихийная сила, бьющая из-под земли, изменяла вокруг себя всё, но я подозревала, что прежде скала была песчаной.

Солнце давно поднялось над океаном, когда я добралась до узкого карниза и остановилась передохнуть. Кое-как на нем угнездившись, я взялась за флягу с чаем и хмыкнула, оглядев себя с ног до головы. Светло-серые штаны, туника и рубаха после недолго подъема спереди стали ярко-красными. Сняв перчатку, я отерла лицо, размазав по щекам красную пыль. Молчун меня засмеет... да и мрак с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.